

ВЛАДИСЛАВ КОНЮШЕВСКИЙ

БОРБОН ФАНТАСТИКА

ПОПЫТКА ВОЗВРАТА

Попытка возврата

Владислав Конюшевский

Попытка возврата

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Конюшевский В. Н.

Попытка возврата / В. Н. Конюшевский — «АСТ»,
2017 — (Попытка возврата)

ISBN 978-5-17-102705-6

Может ли пришелец из будущего в одиночку изменить мир? Умные политики и маститые ученые доказывают нам, что нет. Но Илья Лисов не знал этого авторитетного мнения. Против своего желания оказавшись 22 июня 1941 года на советско-германской границе, он вынужден был вступить в бой с фашистами, просто для того чтобы выжить. А потом, освоившись в новом времени, Илья решает сделать попытку повлиять на события, чтобы уменьшить количество погибших в войне. С трудом, но это ему удастся.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-102705-6

© Конюшевский В. Н., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	34
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Владислав Конюшевский

Попытка возврата

Серия «Боевая фантастика»

Выпуск 3

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Владислав Конюшевский, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

Что за черт? Радио внезапно замолкло, фары погасли, еще и мотор заглох. Ну, блин, приехали! Это я хорошо срезал дорогу, просто замечательно. Послушал Стасика на свою голову. Нет, вообще-то дорога нормальная, и, пронырнув лесом, сэкономил бы с полчаса, как минимум. Кто же знал, что машина накроется? Я вздохнул и потерзал немного стартер – ноль. Вообще ноль. Как будто у меня на ходу аккумулятор сперли. Еще немного подергал ключом и только тут обратил внимание, что даже приборная панель не светится. Быстро начало темнеть. Выглянул в окно – ого, какие тучи нагоняет! Дорога сразу стала мрачной. Узкая, асфальтовая, идущая между вековыми деревьями, она стала похожа на дороги из фильмов ужасов. Теперь только монстра лохматого или придурка с бензопилой не хватает для полного антуража. И ведь машин нет вообще. Ни встречных, ни попутных, еще и дождик мелкий начал моросить, заставляя асфальт лаково поблескивать. Да и откуда тут машины – лес кругом. Хоть и Польша, да глушь.

Вообще, конечно, Польша интересная страна – они аж повизгивают от восторга, что влезли в Евросоюз, а клятые москали как были дикой Азией, так и остались. И чего они нас до сих пор так не любят – непонятно. Причем «не любят» – это слабо сказано. Ненавидят самозабвенно и с восторгом. Правда, пока дело не коснется денег. Если вдруг клятый москаль становится деловым партнером и с него можно поиметь хороший гешефт, то все свои комплексы западные братья-славяне запикивают поглубже в дупу и становятся почти нормальными людьми. Станный народ, вроде с распадом Союза получили вольную – радуйтесь! Но радости не присутствует почему-то. Хочется чего-то еще, а чего – сами не понимают, вот и злобствуют.

М-да... дорога-то совсем пустая. Еще и дождь зарядил мелкий, нудный. Все лобовое стекло было залито каплями, которые быстро собирались в ручейки, сбегавшие вниз. Оттягивая момент заглядывания под капот, закурил. Очень не хотелось вылезать в эту мокрую хмарь. Зачем только Стасика послушался? Вообще-то он не совсем Стасик, он – Станислав Ковальский, с ударением в имени на «и». Но я его зову Стасиком, отчего Ковальский страшно злится. А его позлить – одно удовольствие, потому что этот хмыренек самый крупный ненавистник русских из всех моих знакомых.

Когда его в первый раз увидел в одной польской забегаловке, он, держа кружку пива в руке, напыщенно рассуждал о неоспоримом превосходстве поляков над всеми другими славянами и даже (какая крамола для неофита!) над некоторыми европейцами. Ковальский пел соловьем, приводя исторические и современные примеры – по мне, так совершенно бредовые, имеющие такое же отношение к реальности, как я к балерунам Большого театра. Собеседники, сидящие за его столиком, внимали. Стасик в пылу монолога приседал и размахивал руками, выплескивая пиво. Еще немного и он, как в индийском кино, начал бы показывать свои чувства в танце. Но потом Ковальский допустил непростительную ошибку. Обведя орлиным взглядом зал, ляпнул:

– Москали быдло – были, есть и будут!

Это был явно крик души. И этот крик меня задел. Сидя за столиком, начал вставлять в его речь свои комментарии, благо польский знал в совершенстве. Да, нарывался на разборку, но молчать уже не хотелось.

Стасик краснел, пытел, делал значительное лицо, пытаясь отвечать, но поняв, что проигрывает вчистую, попер буром. Вот это другое дело! Вот это по мне... Сам не хотел начинать, а тут, если что – только защищался. Полиции опасаться было нечего, для этого у меня есть свои завязки, но на всякий случай первым не дергаюсь. Подождав, когда он, пытая от ярости, подскочит поближе, занося руку с кружкой, ткнул его двумя пальцами под ложечку. Ковальский резко замолчал, уронил кружку и согнулся, разглядывая выпученными глазами грязный пол. Я

же, глотнув еще пивка, дал ему шелбан. Ну, конечно, шелбан был не тот, которым награждают друг друга первоклашки, – просто знаю, куда и как шелкать. Так что это был ЩЕЛБАН! Пан великополяк, не разгибаясь, плюхнулся на пятую точку, а потом медленно свел глаза в кучу и завалился набок. Народ в зале, который с интересом прислушивался к нашей пикировке, замолчал. Все смотрели даже не на меня, а на собеседников Стасика.

И что дальше? А дальше от его столика синхронно поднялись четыре простых таких хлопца. Морды здоровые, плечи широкие, кулаки чуть меньше моей головы и интеллекта в глазах прорва. Это, конечно, шутка такая – про интеллект. С ума сойти, я думал, только у нас таких специально в перестройку клонировали, на страх электорату и прочим мирным жителям. «Интеллектуалы» спокойно двинулись в мою сторону, ненавязчиво охватывая полукругом и отрезая путь к выходу. Ну-ну. Они такие спокойные потому, что по сравнению с ними я если и не пигмей, то близко к этому. Сами посудите – роста среднего, телосложения среднего, морда у меня тоже средняя. Обычная физиономия – на звезду экрана точно не тяну. Глаза серо-синие, от солнца вечно прищуренные, еще и нос набок слегка свернут. Правда, нос не с рождения, а так – еще в детстве сломали. Кстати, за счет внешности и знания языка поляки меня очень часто за своего принимали, что помогало в делах, которые здесь у моей фирмочки были.

Прихлебывая пиво, наблюдал за перемещениями этого явно криминального квартета. Мне в общем-то тоже не о чем было беспокоиться. Ну откуда этим ухарям было знать, что я, можно сказать, с рождения по гарнизонам мотаюсь. Папанька военный, так что у меня детство и юность прошли несколько отлично от других детишек моего возраста. А вот когда жили на Дальнем Востоке (в отличие от других мест, очень долго – аж пять лет), я, будучи солидным десятилеткой, познакомился с одним мужичком. Он в части занимался тем, что дрессировал личный состав на предмет быстрого смертоубийства себе подобных. Как с оружием, так и без. Отец-то у меня не в летчиках служил и не в танкистах. Подразделение войсковой разведки. В частях, куда его направляли, срочников не было совсем. Служили там ребята, званием начиная от прапорщика и старше.

Так вот этот мужичок, дядя Саша, невзирая на должность гуру и географическое положение полка, вовсе не был каким-нибудь экзотическим японцем или китайцем. Стопроцентный русак. Но что он вытворял! И голыми руками, и ножом, про огнестрелы вообще молчу... Понятно, что я к нему прилип. Поначалу инструктор вовсе не горел восторгом от присутствия пацана на тренировках. Но тут и командир части сказал свое веское слово.

Я был очень прытким молодым человеком и полкач на собраниях не раз высказывался в смысле того, что через младшего Лисова он поседет и приобретет язву желудка:

– Это же уму непостижимо! Он неизвестно через какие дырки проникает на территорию и шмыгает по всему полку! Его или бэтээром переедет, или бэрдээмкой! Шустрый, вдобавок еще и мелкий – мехвод не заметит и – амба! А кто в танке захлопнулся и вылезти сам не смог – полдня искали?!

Мне эти речи батя пересказывал со строгим наказом – в часть больше ни шагу. Но куда там! Гулять было больше негде, ребят моего возраста в военном городке не было (даже в школу возили за 15 километров на уазике), и я опять пропадал в полку. Поэтому, когда мне повезло набрести на дядю Сашу, командир был вне себя от счастья и, судя по всему, дал ему указилровку уматывать младшего Лисова на тренировках до полного изнеможения, лишь бы по территории полка не лазил.

Поначалу так и было. Домой не приходил – приползал, если еще учесть, что и сотой доли того, чему учили вояк, мне не давали. Но потом, со временем, когда мы познакомились получше и я подросток, дядя Саша стал давать полный курс.

– Ты мужик – значит, боец. Да и дух с понятием в тебе есть. Во всяком случае, для куража людей гнобить не будешь. А в жизни то, что я тебе даю, – очень пригодится.

К тому времени мне было уже лет пятнадцать, и я всю собирался стать военным. Приглядел училище – конечно, Рязанское десантное. Потихоньку собирал документы и наводил мосты. В том, что поступлю, – даже не сомневался. Но потом как-то все повернулось по-другому. А вот слова инструктора дяди Саши вспоминал не раз....

Развал Союза застал нас в Закавказье. Отцу тогда всего ничего до пенсии оставалось, а я поступил не в училище, а в институт, на факультет геофизики. Аборигены же, решив, что все их горести, еще со времен Чингисхана – от русских, начали этих самых русских активно давить. Ну, не то что бы всех и вся, но порезвились вволю. Насколько мог, я с друзьями сам защищался и защищал бледнолицых, живущих в округе. Знакомые, незнакомые – тогда разницы не делалось. Русский, киргиз или молдаванин – тоже. Главное – нос не горбатый. И еще – даже во время стычек старались не переходить грань – старались в пылу драки не убивать. Грань перешел, когда наш сосед сказал мне:

– Я вас давно знаю. Ми соседь. Патаму я вас зарежу не больна.

Странно, ведь мы по всему Союзу колесили. Почти во всех республиках отец служил. И никогда я не был националистом. А вот в тот момент стал. И остаюсь им до сих пор, что бы ни говорили про братство народов, а потом позже про толерантность.

В общем, сунув тело этого козла со свернутой шеей в открытый люк канализации, придя домой, все рассказал отцу....

Из Закавказья мы приехали в Россию быстро и налегке. Совсем налегке – была у нас пара сумок и чемодан. Там опять поступил в институт, уже на геологоразведочный, а отец – вышел на пенсию. Потом начались смутные времена, но институт я не бросил и крутился как мог. Ну а сейчас, совсем хорошо – есть свое дело (воюю с компьютерами), денег хватает, и работа нравится. В этой же Польше, как раз по делу, правда не совсем по своему, но от этого не менее важному. Надо прояснить неясности с местной братвой, часть которой сейчас как раз стоит перед носом и явно не собирается лобзать в разные места, прижимая к груди, как потерянного брата.

Ага! Пошла работа! Здоровяк в ярко-желтой шелковой рубашке (вот пошляк) начал движение. Поднырнув под рукой, я сунул пальцем ему под ребра. Не останавливаясь, низко крутнулся на одной ноге, подбив второго хлопца, и, пока он падал, забодал в челюсть третьего. Ого! Пан, ну к чему эти крайности?! Патлатый хмырь достал нож, даже не нож, а целую саблю – как у Рембо, намереваясь, наверное, проткнуть меня насквозь. Хлопнув по руке и выбив нож, я расслабленной ладонью слегка добавил ему сбоку по животу. Как говорил, ухмыляясь, дядя Саша, такой удар очень полезен при запорах. Боли практически никакой нет, а вот эффект! Патлатый застыл на месте, растопылив ноги и выпучив глаза. Завоняло гадостно. Второй тем временем вознамерился подняться, но, получив ногой, передумал. Вся стычка заняла от силы секунд двадцать.

– Ну что, пся крев, будем нормально разговаривать, или вам еще и яйца оторвать?

Сделав страшную физиономию, слегка придавил ногой промежность лежащего, но уже очухавшегося Стасика. Тот почему-то не захотел расставаться с основной частью организма и предпочел кастрационной войне какой не худой, но мир. Потом через него вышел на местных шефов, уладил свои заморочки, и теперь мы, можно сказать, добрые знакомые. Во всяком случае, при встрече пожимаем руки и похлопываем друг друга по плечам. Но место свое Ковальский знает. Еще бы – после моего щелчка он слово «москали» начал говорить с заиканием. Интересный научный факт – болтает без проблем, а как только русских облаять захочет, так сразу клинит и получается – мо-мо-мо-москали клятые! И рефлекторно голову в том месте, куда его приложил, почесывает, явно пребывая не в восторге от такого терапевтического воздействия. Кстати добавлю – я ведь не только компами занимаюсь. То есть, конечно, и оргтехника в моих делах присутствует, но в основном бизнес с легким налетом криминала. Так что в тот раз выступал как представитель братанов с той стороны. Поэтому его польские шефы не

порезали меня на ленточки в процессе переговоров, а встретили, как и положено встречать высокую договаривающуюся сторону.

Так что же с машиной? Очень не хотелось вылезать под дождь, но, видно, придется. Стартер даже не шевелился. Может, клемма от аккумулятора отошла? Поеживаясь, выполз из машины и, подняв воротник, открыл капот. Клеммы на месте. Вот зараза! Я же не автослесарь, чтобы влет понять, что к чему. Тут за шиворот попала холодная капля, и меня всего передернуло. Втянув голову в плечи, задумался, пытаюсь врубиться, почему эта колымага не едет? Ведь и колеса попинал, и стекло протер. В общем, сделал все, что в моих силах... Вдруг откуда-то сбоку, из-за деревьев, показался яркий свет. Машина, что ли, едет? Почему тогда не слышно мотора? И как она там едет – стволы ведь сплошняком растут? Неожиданно ни с того ни с сего голова закружилась так, что пришлось ухватиться за дверцу, чтобы не упасть. В глазах потемнело, уши заложило. А свет заливал уже меня всего – и, как ни цеплялся за открытую дверь, все-таки упал. Последнее, что подумалось: «Сука, прямо в лужу!»

* * *

– Есть готовность!

– Отсчет пошел, наращивайте мощность.

Интересно, откуда у меня в голове голоса? И что это за язык? Странно, язык точно незнакомый, но слова почему-то понимаю.

– В поле присутствует посторонний объект. Запуск остановить?

– Запуск продолжать – объект игнорировать.

– Нарушение пункта 186/3.

Интересно, тут что – ракеты запускают? Америкосы втихаря небось что-то притащили и теперь резвятся. Они сейчас могут по всей Польше резвиться как вздумается, да и на большей части мира тоже. Но язык-то не английский? Мысли в голове ворочались тяжело, тела я вообще не чувствовал. Может, испарениями надышался, от топлива ракетного? Оно ведь, по слухам, ядовитое до одури. А голоса продолжали звучать:

– Объект разумный, абориген категории два, возможны изменения в быр-быр, гыр-гыр...

В чем, в чем изменения? Слова были непонятны. И кто это абориген?! Конечно, я гораздо более местный, чем эти пришлые амеры, но все равно – быть аборигеном как-то оскорбительно.

– Измените настройку дыр-дыр-дыр. При изменении настройки сознание объекта существует до физического уничтожения вновь созданного материального носителя. После разрушения носителя абориген автоматически попадает в то же место и в то же время, в свой ныне существующий носитель. Возможны дыр-дыр изменения, но нарушение пункта 186/3 тем самым аннулируется.

– Аннулирование нарушения 186/3 принято. К пуску готов.

– ПУСК!

* * *

Меня вырвало. О-хо-хо. Как-то в глубинах организма, а точнее, в нутре – нехорошо. Приоткрыл глаза – уже светало. Ну, нехило я тут провалялся! Всю ночь, получается! И где эти испытатели хреновы? Ведь точно, тело в луже видели – аборигеном обзывали, хоть и разумным, носитель уничтожить грозились. Ноги, что ли, пообрывать?.. Блин! Да они же меня ухлопать хотели!!! Вот козлы! Нет, что-то не то... Как раз наоборот, тот, первый, говорил про нарушение инструкции и про носитель, который уничтожать нельзя. Молодец первый! А вообще, что значит носитель?! Это меня целиком называли носителем? В смысле, все тело? Тогда что значит новый носитель? Да в жизни не поверю, что америкосы научились сознание отделять и

в другие тела подсаживать! Тям у них не хватит. И вообще, такое пока только в фантастике возможно. Хотя почему я думаю, что это американцы были – язык-то так и не определил, чей? Тогда как его вообще понимал? Причем почти все, что говорилось, только, видно, специфические термины были непонятны и слышались как быр-быр.

А может, это какие-то злобные инопланетяне были?! И на мне, всем таком красивом, экскримент свой жуткий поставили?! И теперь я вовсе не я, а какой-нибудь Зураб Шалвович или Бздынек Сортирский?! А если того хуже – Дуся Чмохина?! В панике, приподнявшись, стал себя осматривать. Ф-фух! Вроде все нормально... Тело мое, куртка моя, джинсы мои, ботинки мои. Я весь я.

Выходит зря паников... Епрст!.. Где машина?! Машины не было. В растерянности огляделся. Кусты, деревья, дорога – все на месте... А моим транспортным средством и не пахло. Сперли суки, пока тут в отключке валялся! Вот люди, блин! На ходу подметки рвут! Живой пример процветания гуманизма и человеколюбия – видят, тушка валяется и машина рядом нехилая, с ключами стоит. Так тушку даже пальцем не тронули, матери Терезы недоделанные. Просто тачку угнали. Хорошо хоть просто, а ведь могли и переехать, как это не раз у бандюков бывало. В полнейшем расстройстве сплюнул под ноги и замер... А ведь дорога не та – асфальта нет! Грунтовка обыкновенная, и лес по обочинам слегка другой. Деревья вроде пониже, и кустарник гуще. Хотя я не лесник, в ландшафтах разбираться. Но что же получается – меня перевезли и выкинули в другом месте? Интересно, а ведь деньги, ключи, документы – все на месте. Еще раз проверил карманы куртки – ничего не пропало. Блин, да что ж такое творится?

Сквозь радостное оранье разной птичьей сволочи вдалеке послышался треск мотоцикла. В голове шумело, и соображалось плохо. Поэтому не двинул навстречу шуму мотора, а наоборот, отошел за кусты, на обочину. Через пару минут мимо меня проехал байк. А я, уронив челюсть, долго смотрел ему вслед. За рулем тарактелки сидел немец. Вы спросите, как я узнал национальность? А вот, очень просто – немец был в каске, в зеленовато-сером мундире, в сапогах, с винтовкой, противогазом и прочими причиндалами. Второй, что сидел в люльке, был без каски, но тоже в мундире и чего-то жрал. На турели из люльки торчал пулемет. Я хренею, дорогая редакция! В смысле – где я? Что-то стало сомнительно, что поляки устроили тут костюмированную игру, типа – самый красивый фриц. Уж очень морды у тех двух были обыкновенные. И форма сидела слишком ладно и обмято. Я-то знаю – чтобы роба так обмялась, в ней нужно долго ходить или уметь носить. Вы ведь видели солдат-новобранцев? На них форма – как на лошади фартучек. А тот же черпак или дед, даже получив новую, в тот же день доводит ее до нужной, фасонистой кондиции. Так что в костюмированную войнушку не верю именно потому, что форма на гансах сидела ПРИВЫЧНО.

В организмах было еще не совсем хорошо, поэтому вместо того чтобы паниковать и гнаться за мотоциклистами, в попытке выяснить правду, улегся за куст и принялся размышлять. Все-таки те испытатели, с ярким светом, похоже, не американцы. Похоже, что это как раз таки и есть несуществующие инопланетяне. Надо же – никогда в них особо не верил. Да и теперь, в общем, тоже не верю, но против фактов не попрешь. Заглохшая бэха, непонятный свет, странные голоса в башке... Все эти спецэффекты явно неспроста были, так что вполне может быть, какой бы это фантастикой не отдавало, закинуло меня по времени – не пойми куда. Поэтому и дорога совсем сухая – как будто и не было дождя. Хотя как раз дорога – точно другая. Блин, что же делать? Шутки шутками, но все равно, как-то сильно не по себе. Очень утешало одно: те два голоса в голове говорили о том, что при уничтожении носителя нового (это, получается, я сейчас в новом теле, что ли?), вернусь обратно, в то же время и место. Вот, наверное, почему они про время говорили... Интересно, какой сейчас год? Солнце поднялось уже высоко и ощутимо припекало. Стало жарко, и я, сняв куртку, привалился к дереву, тупо шевеля ногой прелую листву. В голове не укладывалось, как ТАКОЕ в принципе возможно. Одно дело

читать про забубенные приключения героев и путешественников во времени, и совсем другое – вляпаться самому. Ведь так не бывает!! Хотя, с другой стороны, хорошо еще не попал в какую-нибудь фэнтези. Там вообще – с мечами все бегают и колдуны через одного. Гномы разные, эльфы сомнительной сексуальной ориентации и кусачие оборотни. Я пытался хоть как-то утешиться, но получалось плохо. Мда... от того, чтобы неожиданно не поехать крышей, спасало только плохое самочувствие. Когда живот крутит и все нутро мелко трясется, не до паники из-за каких-то, пусть и очень странных, несуразностей. Провалившись еще минут двадцать, слегка пришел в себя. И физически, и душевно. Решив, что неприятности надо решать по мере их поступления, встал, отряхнулся и осторожно выглянул на дорогу. Асфальта на ней не появилось, но и давно канувших в лету исторических персонажей, типа фашистских солдат или древних мамонтов, тоже не было. В обе стороны грунтовка была совершенно пуста...

Ладно – пора выходить к людям и ненавязчиво прояснить ситуацию. Кстати, когда бэха заглохла на дороге, то до границы было километров пятнадцать – двадцать, а может, и меньше. Это если по прямой. Но нам теперь дорог и не надо, спасибо придорожным гопникам или инопланетянам, я еще не определился, кого за это благодарить. А без машины, выходит, теперь любой путь открыт. Ну что – будем пробираться на родину. Пусть кричат уродина, а она мне нравится, хоть и не красавица. Так, напевая под нос, попрыгал, проверяя себя, – вроде уже совсем очухался, только во рту мерзко и пить хочется. Ничего, найду родник – оживу окончательно. Эти двадцать километров проскочу часа за три. И то – только потому, что бежать надо – сторожась и приглядываясь. А в остальном – дядя Саша учил на совесть, и, хоть столько лет прошло, тренировки я не забрасывал, соответственно навыки остались. Прислушался еще раз – тихо, никто не едет. Но по дороге передвигаться все равно стремно. Может, кто-то и не едет, но ведь вполне может идти пёхом. Нарвусь вот так сдуру на топающий взвод – бегай от них потом по всему лесу – это если сразу не положат. Да уж... в разных переделках бывал, но в такую ситуацию попал впервые. Позже разберемся, что со мной приключилось – фантастика или нет. А сейчас лучше выглядеть в глазах мирных поляков (если таковые встретятся) живым дураком, чем в глазах немцев (если они мне не померещились) мертвым придурком. Так что двину лесочком, вдоль дороги. В случае чего – хрен меня достанут. Застегнув карманы на куртке, чтобы ничего при беге не выпало, в последний раз сплюнул тягучей слюной и неторопливой рысью двинул в сторону границы.

* * *

Интересно девки пляшут – по четыре сразу в ряд. Просто нет слов. Они тут что – всей армией стоят? Так сказать, всем третьим рейхом? Уже четвертый час ползаю по разным буеракам в поисках прохода, но везде натыкаюсь на войска. Медом им тут намазано? Сначала была надежда, что те два гаврика на мотоцикле – все-таки ряженые. Но километров через десять моего кросса дорога, пропетляв по лесу, делала крутой поворот, и там, возле поворота, деревья заканчивались. Дальше шло поле, и за ним опять виднелась стена деревьев. Так вот – все это поле было забито зольдатами. Стояли палатки, курились полевые кухни. Была и техника, но немного. Гораздо больше ее было под развесистыми кронами вязов, дубов и берез, из которых состоял лес. Накрытые масксетями, стояли знакомые по фильмам про войну танки и БТРы. Хотя были и незнакомые. Ну, не совсем незнакомые – некоторые я видел в журналах, а в основном на фото в интернете. Большие, маленькие и совсем уж, как бы помягче сказать, убоищного вида. Размером чуть больше «Москвича». Наверное, танкетки. Ну да, скорее всего – орудия нет, а из крохотной башенки только ствол пулемета торчит. М-да. Парк уродцев. Хотя этот парк до Сталинграда дошел. Но, с другой стороны, главное – не техника, а люди, что ею рулят. А уж фрицы – воевать умели. Это у нас они политкорректностью и правами человека разнежены. Да и то не все. Схлестнулся я как-то в Германии с современными нациками – хорошо

ребята держались, до последнего. Если они хотя бы в четверть по духу от теперешних были, то кисло всем придется. Хотя, что я? Точно всем плохо будет – будущее-то мне известно. И с этими знаниями тоже ведь чего-то надо делать.

Ладно – полежал, осмотрелся, но пора уже выбираться отсюда. Одна загвоздка. Фрицы стояли плотно. Причем, зараза, там, где не очень плотно – где можно было попробовать проскочить, – торчали парные посты и наверняка были секреты – парочку я увидел, а в один чуть не влетел. И это помимо обычных КПП на трех дорогах, что проходили в поле видимости. Может, попробовать умыкнуть зазевавшегося одиночку и переодеться? Нет. Не прокатит. Они везде табунами ходят, да и где мне искать ганса по размеру? Еще и язык не знаю. По-английски более или менее врубаюсь, но вот с немецким напряги конкретные... Дождусь лучше вечера и по темноте рвану. Часа эдак через два после отбоя. К тому времени самые неугомонные успокоятся и бессистемное шараханье прекратится. Хотя бессистемными их брожения назвать было нельзя. Часть занималась строевой подготовкой. Часть благоустраивала лагерь. Часть под руководством командиров бегала по лесу, разворачиваясь в цепь и атакуя воображаемого противника. Хорошо еще, бегали не с моей стороны леса, а с дальней, что была через поле. Причем, что интересно, – офицеров почти не было. Командовали в основном сержанты или фельдфебели, хрен их знает, я пока в этих знаках различия не разбираюсь.

Посмотрев на воинскую суету, отошел подальше в лес и прилег. Перед ночными бдениями неплохо было бы отдохнуть. Нет, спать не собирался – не совсем же псих, хотел просто полежать, собраться с мыслями. Вот интересно получается – если я в Польше (а сомневаться в этом не приходилось, потому что видел сбитый дорожный указатель на польском языке), то стоящие такой толпой войска говорят о том, что еще НЕ НАЧАЛОСЬ. То есть они уже вдоль нашей границы, но еще типа друзья до гроба. Только когда же эти друзья начнут в гроб загоняться? Вот будет невесело, если все начнется сегодня или завтра. Хотя если предположить, что меня забросило день в день, со смещением только по годам, то сегодня должно быть 18 июня, среда. А вдруг нет? Ну не у фрицев же число спрашивать? Сначала до наших доберусь...

Вообще-то даже не представляю, что буду делать, когда дойду к своим. Бежать к командованию с криками – я самый умный! я все знаю – глупо. Они свою разведгентуру не слушали, а уж меня-то в лучшем случае в психушку сунут. А в худшем – попаду или к чекистам, или в военную контрразведку, и мне будет очень больно об этом вспоминать. Причем буквально больно. В путешественника по времени они хрен поверят, а вот в шпиона-провокатора – враз! У меня ведь даже сотовый телефон в машине остался. Документы, думаю, и сейчас могут любые сделать, про это еще Ося Бендер говорил. То есть доказательств, что я из будущего, – нет. И начнут тогда крутить на адреса, явки и задания. В смысле – на самую главную фашистскую тайну. А я не Мальчиш-Кибальчиш. У меня натура нежная, ранимая. Грохну пару-тройку крутильщиков, и привет! Против отделения автоматчиков, да без оружия – не сыграешь. Получится, как с Василием Ивановичем, когда на него каратист в Японии набросился: «Куда ж он, с голыми пятками против шашки попер?»

Нет. Не хочу в контрразведку. А куда? Даже не представляю, к кому именно идти. До того, кто что-то решает, например до Берии, вряд ли доберусь, да и не поверит он мне, даже если и доберусь. Во всяком случае, сразу не поверит. Хотя он мужик толковый, судя по тому, сколько на него собак навесили. Правда, до главного чекиста, уж очень далеко. А до более близких начальников... м-м-м... что-то не представляю такого мыслящего человека, который бы и проверил, и поверил, и сумел хоть какие-то действия предпринять. Ну ладно – сейчас задача минимум. Границу перейти. Перейти границу у реки... в строю стоят советские таксисты, тьфу, то есть танкисты, тарам-парам-пам родины сыны. В голове почему-то крутились старые советские марши. Потом появился Сталин в обнимку с Брежневым и погрозил мне трубкой. Брежнев был пьяный и весь в орденах. Ордена тянули генсека вниз, и он, пошатываясь и подергиваясь, пытался удержаться на ногах. Подергивания напоминали танец цыганки с монистами.

Держась одной рукой за шею Сталина, Леонид Ильич, повернувшись боком, зазывно наяривал плечом. Ордена звенели, сначала тонко, а потом все громче и громче. Я открыл глаза. Надо же, блин, – все-таки уснул. Сверху доносился надрывный гул, переходящий в звон. Еле видный в ночном небе, над верхушками деревьев, невысоко пролетел самолет. Один. Медленно. А шуму-то – как у мопеда без глушителя. Да уж... Из всех немецких самолетов по силуэту могу отличить только Ю-87, это который «лаптежник», и «мессершмитта» – потому что у него тонкий фюзеляж. Пролетел ни тот и ни другой. Кажется... Правда, видно было очень плохо. Мешали закрывающие небо верхушки деревьев и быстро наступающая темнота. Ну и конечно, знаток силуэтов из меня еще тот. Как эти самолеты должны выглядеть, могу судить только по старым советским фильмам да военной хронике. А эти киношки никак не тянут на учебное пособие... Зато на мягкой подстилке из листьев на удивление хорошо выпался. Даже муравьи не мешали.

Ладно – пора выдвигаться. Встал, размялся – подпрыгивая и молотя воздух руками и ногами. Придя в норму, скользким шагом двинулся к заранее примеченному длинному оврагу, по которому рассчитывал пройти через немецкие порядки. Не будут же они, в самом деле, до линии границы тянуться? Всяко-разно ближе пяти километров не подойдут. Гансам сейчас нет смысла гусей дразнить, поэтому, главное, вояк пройти, а дальше, рассчитываю, будут уже обычные немецкие погранцы. Только вот выяснилось – в расчетах я несколько ошибался...

– Хальт! Хальт! Нихт шизен! Гав, гав, гав! Гав, гав! – Это не в смысле собачки – просто быстрый немецкий говор так в голове сливался. Фрицы азартно вопили, загоняя меня в какое-то болото. В толпе загонщиков сначала было даже три мотоциклиста. Но они застряли на дальних подступах к этой вонючей луже. Байкеры в касках свою застрявшую технику не покинули, а громко давали советы издали. Я уже был по пояс в воде и, стараясь не шевелить камыши, уходил все дальше. Немцы не отставали. Их бы энергию да в мирных целях. Резвые попались загонщики. Было почти непонятно, что они вопят, но зато можно предположить. Наверняка что-то типа:

– Заходи слева! Обкладывай справа! Живьем брать демона!

А вот хрен вам на всю физиономию! Если уж в овраге не зажали, то теперь уйду.

Надо же было так глупо попасться. Ведь почти проскочил. Двигался уже по третьему оврагу, который очень удачно тянулся в нужную мне сторону. Пока лазил – порядком подустал. Часто приходилось даже не идти, а ползти. Ночью немцев стало даже больше, чем днем. Повальная бессонница у них, что ли? Один раз пришлось отлеживаться под кустом, а надо мной, в полутора метрах, стояли и курили двое тихо переговаривающихся гансов. Но потом стало поспокойнее. Это уже часа три ночи было, и небо в той стороне, куда я так стремился попасть, начинало светлеть. Откуда взялся этот водохлеб, или водовоз, на мою голову? И ведь, главное, как тихо подошел, – я его вообще не заметил. Топал себе топал и вдруг возле родника, что бил на дне низинки, услышал только шорох осыпающийся земли и – рраз! Спрыгнувший сверху фриц, с котелками в руках, ошарашенно пялится на меня и уже открывает рот, намереваясь завопить. Ну, я, конечно, не дал. Лишний шум сейчас совершенно ни к чему. Шаг в его сторону – одной рукой за затылок, другой за челюсть. Позвонки только тихо хрустнули. Брр. Все-таки крайне неприятное дело... Это только в кино врагам шеи походя сворачивают и резво бегут дальше, бороться за мир во всем мире. А меня чуть не стошнило. Ну, не убийца я. Мерзко от этого становится. Еще и пальцами ему в рот попал, теперь вся ладонь в слюнях. И тут сверху голос:

– Дитрих?

Моментально забыв про ладонь, осторожно вытянул у лежащего немца тесак из ножен на поясе. Больше на трупе оружия не было. А сверху опять:

– Дитрих, быр-быр-быр?

Вот же, неугомонный! Может, твой дружок погадить сюда пришел, а ты его отвлекаешь от интимного процесса! На фоне более светлого неба показалась голова. Фриц пытался разглядеть, что творится в темном овраге, и настойчиво домогался носителя котелков. Надо это прекращать, а то он сюда своим свистящим шепотом всех соберет. Я махнул рукой, и тяжелый нож вошел в глаз искателю Дитриха. Блин! Кто же знал, что там стоит еще и молчаливый третий?! После того как шипящий получил в голову лишний довесок, молчаливый моментально перестал быть молчаливым и завопил. А я рванул вперед, к видневшемуся через поле озеру, подгоняемый испуганно-пронзительным криком. Как этот гад орал! Даже не подозревал, что связки можно так натренировать. Ему ж в «Ла Скала» цены не будет, тенору недобитому! Наверное, это ротный запевала... В ответ на захлебывающийся ор почти сразу послышались перекликающиеся голоса. И их становилось все больше. Пум, пум! Вверх пошло две ракеты. Причем обе осветительные. Сразу резко обозначились изломанные тени, и моя шустро улетающая тушка стала видна как на ладони. Кстати, надо отдать фрицам должное, сориентировались они моментально. Еще и полпути не успел пробежать до камышей, а за мной уже тарахтели мотоциклы и слышалась суматошная разноголосица.

Но все-таки я успел первым. Это болотце, как и думалось, – заболоченная пойма реки. Теперь дойти до чистой воды – и на ту сторону. Осторожно раздвигая осоку и камыши, которые сыпались на меня колючим пухом, двигался к речке. Было достаточно глубоко – вода доходила иногда почти до груди. В ней плавала разная гадость типа водомеров и неопознанных мною жуков с большими челюстями. Во блин, и не знал даже, что такое у нас водится! Ф-фух... Вот и речка. В этом месте не очень-то и широкая. Сейчас нырну – и привет Мюллеру... Ага – как же! Дали мне спокойно переплыть на левый берег! В куртке и так плыть очень тяжело, а тут поднялась целая канонада. Подоспевшая немчура шмаляла из всего, что стреляет. Пришлось еще раз нырять. Потом сбросить куртку и опять нырять. Благо было достаточно темно и ракет больше не запускали. А охотников все прибывало. Потом я отсиживался в камышах на том берегу, одним глазом поглядывая на немцев. Эти сволочи часа два не расходились, ожидая, когда и где нарушитель спокойствия начнет вылезать на берег. То, что беглец уже на сопредельной территории, их похоже, совсем не останавливало. Фрицы были достаточно злы, чтобы поплыть за мной, но хорошо, какой-то офицер тормознул лихой заплыв. А то я уже начал волноваться. Нет, пловцов не опасался, только вот разборками с ними мог выдать свое местоположение. И оставшиеся на берегу в полсотни стволов наковыряли бы во мне дырок, благо уже достаточно рассвело. В голове, конечно, постоянно сидел разговор зеленых человечков про возврат в старый носитель. Но вдруг я их понял не так?! Ошибаться совсем не хотелось... Потом немцы покричали что-то в сторону советского берега и стали расходиться. Вряд ли они кричали «Спартак – чемпион!» или пытались продиктовать рецепт приготовления сосисок с капустой. Ругались, небось. Ну да ничего, мне с их воплей ни холодно ни горячо.

Полежал в воде еще с полчаса и осторожно, опасаясь возможного фрицевского снайпера, шмыгнул на берег. Похоже – пронесло. Показав крайне неприличный жест в сторону уже невидимых солдат, отошел за кусты и только собрался отжать одежду, как из-за дерева показался ствол винтовки и звонкий голос предложил:

– Руки вверх!

Глава 2

Здравствуй, жопа, Новый год! Ну конечно. Немцы-то на своем берегу шумели, как стадо бабуинов. Тут и глухой подошел бы посмотреть, что происходит, тем более наряд, в чьей зоне ответственности находится этот участок. Из-за дерева показался носитель винтовки. Паренек в зеленой фуражке, слегка конопатый. На гимнастерке в петлицах два треугольника. Ага – сержант. И ствол в мою сторону смотрит уверенно – видать, не впервой на мушке нарушителя держать.

– Шагом марш! – Он двинул стволом, показывая направление.

– Дай хоть одеться! – Мокрая футболка свисала с поднятой руки, и на плечо капало.

– Там оденешься. Давай, давай!

Лицо у паренька было серьезное, он всем своим видом излучал убежденность в том, что если его не послушаю – стрельнет. Вдохнув и чуть опустив вперед руки, чтобы на меня не текло, пошел в указанном направлении.

Ба! Как вас тут много... Отойдя подальше, я наткнулся на группу человек в десять. Похоже, что, услышав стрельбу, вся застава сорвалась по тревоге сюда. Остальные, видно, так и сидят в засадах слева и справа вдоль речки. От группы в мою сторону направилась фигура в форме, судя по замашкам – командир. Та же зеленая фуражка, в петлицах три квадрата, получается – старший лейтенант. Вид его мне понравился, и спокойный взгляд, быстро, но тщательно ощупавший мокрого нарушителя с ног до головы, тоже внушал уважение. Профессинала сразу видно. А лицо почему-то – очень знакомое.

– Руки опустить можно?

Я стоял, не дергаясь и не давая повода для беспокойства. Краем глаза увидел, как от деревьев отделился еще один пограничник. Он, выходит, все это время страховал своего напарника по наряду, причем совершенно незаметно для меня.

– Погодь руки опускать... Карпов! – Старлей, не оборачиваясь, мотнул головой: – Обыскать!

Подошел Карпов – крепкий детина выше меня на голову, в трещащей на плечах гимнастерке, быстро охлопал мокрую фигуру по карманам, потом, задрав штанины, поглядел, нет ли чего в ботинках. Блин, еще один спец. Хотя, наверное, только радоваться надо, что у них подготовка на уровне.

– Нет ничего, товарищ старший лейтенант! – отрапортовал Карпов, поднимаясь и делая шаг в сторону.

– Ну, и кто ты будешь, пловец? – Командир опять окинул меня цепким взглядом: – Ладно! Придем на заставу, там и расскажешь...

Потом глянув, как нарушитель пытается убрать от лица капающую футболку, добавил:

– Руки-то опусти.

В этом снисходительном добавлении слышались явные интонации товарища Сухова. Блин! Да он же на главного героя из «Белого солнца пустыни» похож! Практически один в один! Поэтому и лицо его знакомым показалось. Потом старлей резко повернулся и пошел по тропинке. Двое с винтовками встали за мной, и я под конвоем двинул вслед за «Суховым». Остальные зашагали за нами.

Идя в трех метрах за старлеем, соображал, как же нехорошо получается. Ведь он задал такой простой вопрос, но ответа у меня нет. Действительно – кто же я такой? Как-то заранее даже и не подумал, что буду говорить. Не рассчитывал вот так – сразу попасться. Может, представиться польским рабочим, свалившим от вконец заугнетавших его немцев? Тогда какой специальности? Прикинул, что знаю о специальностях, и передумал доказывать свою принадлежность к пролетариату. Селянина-землепашца из меня тоже не выйдет. О пейзажах знал еще

меньше, чем о рабочих. Черт! И кем же я буду? Надо быстрее соображать, а то скоро придем. Кем же, кем же? В голову, как назло, ничего путного не приходило... А если?..

Опаньки! Есть контакт! Буду студентом. Только какого факультета? То, что геологоразведки в Польше до войны не было, я знал почти наверняка. Какую же специальность выбрать? Явно, что автоматика и системы управления здесь не в ходу. Химиком? Спалюсь моментально. Из химии знаю только бутан – пропан и формулу спирта с водой. Физик? Адвокат? Нет, адвокат опасно. Наш народ к адвокатам относится с предубеждением, да и статьи закона надо знать. Так кем быть? Кем же, кем же... Тут вдруг озарило! Буду студентом-филологом! Студент – понятие само по себе расслабляющее и подразумевающее, бардачное отношение к жизни. А уж филолог. М-м-м... Я даже причмокнул. Никто из обычных людей толком не знает, чему этих филологов учат, а так как, в основном, это женская специальность (во всяком случае, в мое время), то и буду косить под безобидного чудака. Черт! Но чем же эти филологи все-таки занимаются? Ладно – выдам им, что изучал эмпирические новообразования схоластических тенденций. Сам аж не понял, что сказал. Но ведь я могу быть студентом-разгильдяем? Второгодником, так сказать. Который даже на занятия ходил крайне редко? Это и возраст мой, не сильно подходящий для студента, объяснит. И отсутствие глубоких знаний. Помню наш полкач, когда я срочную служил двухгодичником, построив часть, вещал с трибуны:

– Вы, трах тарарах, все потенциальные Герои Советского Союза! Вы, мать, мать, мать, если в плен попадете, даже под пытками никаких сведений врагу не откроете – потому что ни хрена не знаете и знать не хотите!!!

И ведь действительно, ни фиги не знали. На военной кафедре нас натаскивали на Т-64. В войсках стал командиром взвода Т-90. И откуда бы, спрашивается, знания взялись? Вспомнив свое состояние по прибытии в полк, особенно в первые дни, решил его спроецировать на теперешнюю «легенду». Так что именно таким студентом и буду, каким был взводным в первый месяц своей службы, – который ни хрена не знает. Причем вечным студентом второго курса. Все, решено! Филолог. Так – а русский откуда знаю? А у меня мама русская. Нет, нет! Вовсе не дворянка – упаси бог! Обычная мещанка и жила в Польше еще до революции. Папа же у меня – врач будет. Хирург. Нет, лучше терапевт. А из родного Ченстохова я свалил, потому как крупно повздорил с двумя пьяными немцами. Кажется, даже кого-то покалечил, и теперь меня ищут, чтобы как минимум расстрелять. Вот и сбежал в самое просвещенное и передовое государство в мире, которому всегда симпатизировал. Ну, вроде нормально получается. Так и буду действовать.

Пока мы шли, деревья кончились и показались одноэтажные строения. Похоже – застава. Оттуда пахло чем-то вкусным, и тут же остро захотелось жрать. Пока в речке плавал и нырял – нахлебался воды от пуза, и теперь, после этого купания, кишка кишке кукиш показывала. Ведь со вчерашнего утра ничего не жевал. Точнее, с позавчерашнего вечера. В пузе заурчало так громко, что даже лейтенант обернулся. Понимающе посмотрев на меня, он спросил:

– Что – живот прихватило?

– Да нет – не ел давно, а у вас тут запахи, как в ресторане. – Я лицом показал, какие именно запахи бывают в ресторане.

Старшой хмыкнул:

– Ну-ну. Ресторанный завсегдатай. Дойдем до места, поговорим, а потом тебя, глядишь, и покормят.

И уже обращаясь к бойцам, приказал:

– Соболев, Петренко, давайте его ко мне, а я сейчас подойду.

Меня завели в один из домиков. В комнате, возле двери, сидел дневальный. Рядом с ним на столе лежала толстая тетрадь и стоял телефон. Пахло ваксой, ружейной смазкой и армией. Я как будто оказался дома – надо же, сколько лет прошло, а этот запах помню. Потом оставляющую мокрые следы тушку провели по коридору и, открыв дверь в дальнюю комнату, пред-

ложили сесть. М-да... типичная аскетично-армейская обстановка. В комнате стоял стол, два стула и лавки вдоль стен. На стене висел портрет Сталина, а чуть левее и ниже – Дзержинского. Ну, понятно – погранцы относились к войскам НКВД, поэтому и Дзержинский. Конвоиры молча стояли за спиной – один возле двери, другой рядом. Просидел я недолго. По коридору послышались шаги, и в комнату вошел давешний старлей. Сев за стол, он достал из ящика чернильную ручку, непроливайку, обычную школьную тетрадь и, слегка прихлопнув по ней рукой, сказал:

– Ну что. Давай рассказывай. Кто такой, откуда, с какой целью перешел границу? Почему нет документов? Начинай вдумчиво и по порядку. Фамилия, имя, отчество?

Он открыл тетрадь и взяв ручку, остро посмотрел на меня.

– Лисовский Илья Вацлович.

Подумав, решил оставить свое имя, изменив только фамилию и отчество, под липового папу – терапевта, коренного поляка.

– Имя у тебя какое-то не польское. – Погранец потер щеку и вопросительно поднял брови.

– А у меня мама русская. – И я, выдохнув, начал выдавать наспех заготовленную легенду...

– Так, говоришь, из-за чего с немцами подрался?

Допрос шел уже полчаса. Врал я вдохновенно, закатывая глаза, заламывая руки, только что не подпрыгивал, показывая, какой им нарушитель белый и пушистый попался. Было только непонятно – поверил старлей или нет? Во всяком случае, смотрел доброжелательно, слушал внимательно и кивал головой в такт моим словам.

– А они, пся крев, к девушке приставали. Ну, конечно, помочь ей решил, а тут патруль. Один из немцев в меня вцепился. Я, чтоб вырваться, ему и въехал камнем по голове. Он упал, а я побежал – патруль за мной. Потом домой приходили – хорошо, меня не было. Тогда отец и сказал, что нужно к советским уходить. А документы у меня были, но я их вместе с курткой утопил, когда реку переплывал. Вы же видели, что там творилось?

– Да – знатная стрельба была.

Старшой наклонился через стол и другим тоном сказал:

– Ладно! Эти турусы на колесах, что ты мне развел, пока по боку! Что видел на том берегу? И почему тебя немцы такой толпой гоняли?

Интересно, что такое турусы и почему они на колесах? Секунды на две задумался над этим. Это что – семейные трусы с роликами? Потом надо будет узнать – интересно ведь.

– Ну, что примолк?

– Да вот вспоминаю, чтоб чего не упустить.

Путая русские и польские слова, начал рассказывать ему и про полевые лагеря, и про замаскированную технику, и про то, что буквально в паре километров от границы сосредоточена огромная масса войск. Он слушал, мрачней и перекачивая желваки на щеках. Я не сказал только, что двух немцев уханькал, а соврал, будто случайно натолкнулся на патруль – вот тут меня и начали ловить.

– Да, парень. Если ты не врешь, то хорошего во всем этом мало. – Лейтенант сжал лежащие на столе кулаки. Потом, приподнявшись, крикнул:

– Соболев!

В дверь заглянул один из конвоиров, которые вышли, когда появился командир.

– Так! Давай этого на гауптвахту. И поесть ему принесите. Я пока в отряд позвоню.

* * *

Губа представляла собой комнату три на три метра, с парой маленьких окошек под потолком и двумя койками, застеленными солдатским одеялом. Не камера – курорт! Сживал я как-то на губе современной. Так там стены под шубу отделаны, окошко крохотное зарешеченное и не кровати, а пристяжные нары. Офицерская часть губы была тогда на ремонте, поэтому сидел в солдатской. Недолго, часа три, потом комбат вызволил, но сравнивать теперь есть с чем.

Минут через двадцать принесли обед. Даже обеднице! Здоровенная миска борща и такая же – макароны по-флотски. И еще три больших куса хлеба. Вот теперь можно жить! Пока я ел, конвоир стоял рядом с открытой дверью.

– Сильно, видать, оголодал. – Боец сочувствующе посмотрел на меня.

– Это точно!

Налопавшись как удав, почувствовал себя совсем замечательно. Еще покурить бы. Мои сигареты вместе с курткой сейчас где-то на дне Буга лежат, поэтому спросил у часового:

– А что, боец, не угостишь куревом?

Соболев сдвинул белесые бровки, прогнал в головном компе варианты ответов и выдал неправильный:

– Не положено! По уставу, на гауптвахте курить не положено!

Меня просто умиляло, как они все губу – гауптвахтой называют. С уважением и пиететом. Я бы не удивился, если б они ее гауптической вахтой звать начали. С них станется.... Уставники, блин. Но курить-то хочется...

– Соболев, слушай! Я же не солдат и в армии не служу, человек гражданский, просто временно задержанный, так что – при чем тут устав?

Бедный Соболев завис минуты на две, а потом просветлел лицом и, подняв палец, сказал:

– Ты сейчас на территории воинской части, да еще и помещенный на гауптическую вахту (о-о... сейчас умру), так что устав здесь распространяется на всех, и на задержанных тем более.

Когда он вышел, заперев дверь, я лег на койку и, закинув руки за голову, уставился в окно. Ну, пока вроде ничего дела идут. Сижу, правда. Но темница не сырая и кормят хорошо. Завтра они, насколько знаю процедуру, должны будут меня отправить в отряд. Ну а по пути – сбегу, если же не получится, буду действовать по обстоятельствам. Всерьез свое положение почему-то не мог воспринимать. Как будто все не со мной происходит. И ночная беготня, и сейчас. Настроение было хорошим, желудок полным, перспективы неясными. А где-то глубоко внутри была уверенность, что все будет нормально. Потом, поворочавшись, незаметно для себя уснул.

Вечером меня разбудил уже другой боец – незнакомый, с толстыми щеками и носом-картошкой. Он принес ужин, а потом препроводил к командиру. По дороге в штаб я обратил внимание, что бойцы, идущие строем, с мыльно-рыльными причиндалами, явно топают в баню. Значит, сегодня суббота. У нас, в армии, суббота испокон века был банный день. Сначала ПХД, а потом, вечером, в баню. И вдруг что-то меня сильно напрягло. Очень не понравилось то, что увидел. Вся эта идиллия стала поворачиваться пугающей стороной. Масса фрицев на границе, а здесь баня, тишина, суббота.... Суббота!

– Слушай, а какое сегодня число?

Не останавливаясь, повернул к конвоиру голову, с напряжением ожидая ответа. И дождался:

– Дык двадцать первое с утра было.

– Июня?! – У меня аж волосы на загривке встали дыбом.

– Да, паря, видно ты сильно башкой ударялся, пока от немцев бегал. Июня, июня. Давай, шагай! – Боец слегка подтолкнул меня вперед.

Писец, приехали! Это же буквально сегодня ночью все и начнется! А я тут на губе заперт буду. И вряд ли кто обо мне вспомнит, когда немцы эту заставу в пыль стирать начнут. От благодушия, что посетило после ужина, не осталось и следа. Даже курить расхотелось.

Поэтому, только зайдя в комнату, где сидел командир заставы, сразу взял быка за рога:

– Имею сведения государственной важности, которые могут быть переданы командованию в звании не ниже подполковника из разведуправления! Требую немедленной отправки к вашему командованию.

Я сильно рассчитывал, что меня отправят в отряд прямо сейчас, подальше отсюда, и по пути сумею сделать ноги и действовать уже, так скажем, в индивидуальном порядке, без конвоя.

– Экий ты прыткий! – Старшой с удивлением посмотрел на меня. – А почему сразу не наркому? И никуда я тебя сейчас отправлять не буду. Машина только завтра подойдет.

– До наркома далеко, а у меня есть сведения, что сегодня ночью немцы совершат крупную провокацию на вашем участке границы. Вся зона ответственности отряда будет подвергнута массированному орудийному и минометному обстрелу. Возможна высадка десанта для прощупывания линий обороны и обозначения огневых точек. И еще, кстати, машины завтра не будет!

Я специально начал излагать командно-штабным языком. Это чтобы начальника заставы получше пробрало. Особенно, когда он почувствует контраст с предыдущим допросом. Про то, что это война, решил не говорить – не поверит. А вот в провокацию – вполне. Старший лейтенант во время моего монолога сидел крутя ручку, а потом мотнул головой и сказал:

– Студент, говоришь? Х-хе!

Ну точно товарищ Сухов! И хекает так же.

Он встал и прошелся по кабинету.

– А что ж ты с утра молчал? А, филолог? И почему так уверен, что машины не будет?

– Уверен – потому что знаю. Не до меня завтра будет. А молчал потому, что считал, будто сегодня двадцатое число и время у меня еще есть.

Черт! Как-то неубедительно все получается. По глазам вижу, не верит мне старлей. Поэтому уже с отчаянием добавил:

– Ну сам посуди, старшой! Немцы ведь над тобой через день летают. Так ведь? – Он машинально кивнул. – Расположение твоей заставы знают вдоль и поперек. И сегодня ночью, то есть уже завтра, в районе четырех утра, начнут долбать. Я это точно знаю. Не просто так по их стороне ползал.

Видно, что-то в моем голосе заставило его усомниться в своем неверии.

– Кто же ты такой, студент? И откуда все это знаешь? – Старший лейтенант прошелся по комнате и, достав пачку папирос, закурил.

– И ты узнаешь – через каких то шесть часов. А кто такой – сказать не могу. Тебе не могу, извини – не твой уровень. Ты пока с оперативным свяжись и передай ему, что от меня узнал.

– Не учи ученого.

Он с силой вмял папиросу в пепельницу и, кликнув часового, вышел, оставив меня сидеть. А я, свистнув из оставленной на столе пачки папиросу, закурил и начал размышлять о том, что обратно в камеру по всякому не вернусь. Попытаются засунуть – буду вырубать конвоиров. От меня, похоже, такой прыти не ждут. Потом рвану в глубь территории. В одиночку, сидя в камере, войну не выиграть. И впустую погибать не по мне. Конечно, хочется помочь людям, но ведь не против их воли. А когда все уже завертится – буду я здесь или нет, разницы никакой. Тут мысли перескочили на другое. Этого командира заставы, похоже, все-таки получилось зацепить. Если бы начал буровить про войну, он бы меня послал, а так – обычная провокация на его участке. Опасности подвергается его личный состав, за который он, как всякий командир, в ответе. И замашки у него именно отца-командира, я это уж отследил. Не-е-ет. Он

точно начнет что-то предпринимать. Во всяком случае сегодня ночью никто спать не будет. А со студентом-филологом, похоже, пора завязывать. Буду косить под нашего разведчика-нелегала. Жалко... Быть студентом у меня хорошо получалось.

Тут появился старлей и, не садясь за стол, подошел к окну.

– Связи нет. Я уже послал человека в отряд. – Он повернулся: – Говоришь, в четыре?

– Да. В четыре утра. Может, раньше. Часа в три. Но сегодня – это точно.

Я немного подумал и спросил:

– И еще – часто у вас связь пропадает?

– Нет, в этом году новую линию протянули, до сегодняшнего дня ни разу не прерывалась.

Он посмотрел на меня, в глазах мелькнуло понимание и, кликнув бойца, приказал позвать своего зама и комсорга.

Я поднялся со стула и подошел к лейтенанту.

– Может, познакомимся? – протянул ему руку. – Лисов Илья Николаевич.

Командир заставы хмыкнул:

– А как же Вацлович?

И, протянув свою ладонь, представился:

– Сухов Андрей Иванович.

Вот это да! Товарищ Сухов! Бывает же такое! Не зря он мне сразу понравился. Видно, глаза у меня стали совсем ошарашенные, потому что старший лейтенант спросил:

– Что такое?

– Да нет. Ничего, просто ты мне одного хорошего знакомого напоминал, а теперь выяснилось, что ты его тезка.

В этот момент в комнату зашли еще двое. Оба лейтенанты. Сухов жестом предложил им садиться и, резко выдохнув, начал:

– В общем, так, товарищи командиры, тут ко мне поступили очень интересные сведения...

* * *

Время было уже три часа двадцать минут. Весь личный состав заставы, а их было человек тридцать, находился в окопах. Бойцов вывели из казармы, когда стемнело, и скрытно разместили по местам. У них здесь, оказывается, все заранее было подготовлено. И основная, и запасная позиции. Окопы полного профиля. Оборудованные пулеметные точки. То есть народ, что называется, был в полной боевой. Зря нас потом учили, что никто войны не ждал. Во всяком случае, пограничники – точно были готовы ко всему. Мне Андрей и поверил только потому, что еще неделю назад им из отряда сообщали о возможной крупной провокации немцев. О войне разговора не было, но все на заставе понимали, что на том же Халкин-Голе тоже был пограничный конфликт. А ведь в нем участвовали и танки, и самолеты, и артиллерия. Про пехоту я вообще молчу. Поэтому мы с Суховым и его замами стояли под деревьями, возле линии окопов, курили и прислушивались к далекому гулу, что доносился с той стороны. Мне, взамен утопленной, чтоб не мерз, дали куртку. Тоже кожаную, похожую на летную. От леса тянуло сыростью, потихоньку начинал подниматься туман. Бойцы сидели по окопам, тихо переговариваясь и настороженно вслушиваясь в то, что происходит в стороне границы.

– Твой посыльный не вернулся? – Погасив окурок под каблуком, я повернулся к командиру.

– Нет, хотя уже часа два, как должен был.

Старлей зло ударил себя кулаком в ладонь:

– Не нравится мне все это!

В этот момент из-за леска взлетела красная ракета, а потом слышались выстрелы. И почти одновременно с этим по ушам ударил тяжелый грохот. Я ошарашенно смотрел, как расположение заставы разносит в щепки немецкая, ну, как минимум, батарея, бьющая из-за реки. Точность попаданий была поразительная. За пару минут были уничтожены все постройки. Причем, что характерно, первой взлетела на воздух казарма. Сначала даже мелькнула мысль о фрицевском корректировщике, но потом я ее отменил. У немцев было столько времени самым тщательным образом нанести место расположения заставы на карту, что никакой корректировщик не нужен. А вот если бы он был – накрыло не казарму, а нас. Мы же курили тут, не скрываясь, хотя под деревьями, может, были и незаметны... Все равно – эти пограничники меня водкой до конца жизни теперь поить обязаны. Артобстрел же продлился от силы минут пять и затих. На заставе что могло гореть – горело.

– Не соврал, «студент»! – Сухов хлопнул меня по плечу и зло ухмыльнулся: – Началось! Сейчас бойцы с нарядов слегка переправляющихся потреплют и отойдут к окопам. Кстати, Илья, а какое у тебя звание – если не секрет?

Похоже, командир заставы уже не сомневался, что я наш засланный казачок. Коллега, можно сказать. Разведка ведь тогда тоже НКВД курировалась. Это хорошо... Оружия, правда, так и не дали. Ну да это лишний раз говорит о профессионализме ребят.

– Такое же, что и у тебя, – старший лейтенант (я ни капельки не соврал – именно это звание и получил перед дембелем).

– Видишь, какое дело, в штаб отправлю тебя при первой возможности. И охрану дам. Я бы прямо сейчас отправил, но мне очень не нравится то, что делегат связи не вернулся.

– Какой разговор! – Я махнул рукой. – А посыльного, похоже, ты не дожدهшься. Те, кто связь сегодня ночью резали, те и курьеров с вестовыми отлавливали.

В штаб мне теперь торопиться было вовсе не с руки. А Сухов-то – жук какой! Охрану он даст. То есть не конвой – это вроде бы доверяет мне, а охрану. Чтоб, значит, сдать с рук на руки, под роспись. Угу. Щас! Похоже, лозунг – доверяй, но проверяй – тут с молоком матери впитывают. М-да, и водкой всю жизнь поить пока тоже не собираются... Поглядывая на горящие руины заставы, думал, что именно вот так, оказывается, все было. Солдат гасили прямо в казармах – пока они проснуться не успели. И встречал бы товарищ Сухов (если б жив остался) наступающих немцев только с теми людьми, что в наряде на границе были.

Гул, что теперь слышался даже через перестрелку на речке, нарастал. И в него вплетался новый звук. По светлому уже небу высоко над нами шли самолеты. Очень много самолетов. И шли они со стороны границы. Какое-то время мы провожали их глазами. Потом я тронул старшего лейтенанта за рукав:

– И вот еще что – не конфликт это. Война. Извини, сразу не сказал. Да и не поверил бы ты. А сейчас – сам видишь. Эта армада на Минск пошла и приграничные аэродромы бомбить. Так что исходи именно из этого.

– Вот заррраза! – Он сплюнул. – Как знал! А! – Андрей махнул рукой: – Какая разница. Все равно нам первый удар держать! Плохо только, что связи нет.

Он достал пистолет из кобуры, зачем-то протер его рукавом и пошел в сторону пулеметного расчета, который располагался метрах в двадцати от блиндажа. Рядом со мной остался стоять его зам. Стерегут, однако. Ну да ладно.

Кстати очень хорошо, что командир мыслит так позитивно. Информацию о войне воспринял без какой-либо растерянности и ажиотажа. Мне нравится такой подход. Сейчас ему, конечно, ничего говорить не буду, а вот как начнут нас прижимать – скажу. И то, что помощи ждать бессмысленно, и то, что это все ну очень надолго. Прислушался к себе. Страх не было. Вообще. Было только какое-то чуть ли не радостное возбуждение. Но, я так думаю, что страх еще придет. Когда нас начнут гасить из минометов, тут-то и будет время пугаться. Мне знающие люди рассказывали, что именно минометный обстрел страшнее всего. Ну, может еще,

когда вертушка НУРСами обрабатывает – но это быстро. Чик, и все – если не повезло, то твои ошметки летают среди поднятой взрывами земли. А вот миномет – долго, тяготно и очень страшно.

Тем временем стрельба начала приближаться. Из леса показались отходящие перекатами бойцы. Нет, все-таки молодец у них командир! Даже этому научил. Не толпой бегут, а отходят грамотно, прикрывая друг друга. Сухов, до этого наблюдающий за опушкой в бинокль, стоя на бруствере, зычно гаркнул:

– К бою!

И прыгнул в окоп. Мы попрыгали за ним. От леса до окопов было метров шестьсот-семьсот. Бойцы бежали прытко, некоторые были уже недалеко. Я поглядывал в их сторону и сообщал, что могут, вот прямо сейчас, против нас выставить немцы. Рокадных дорог тут нет. Крупных стратегических объектов тоже. Так что очень большие силы на подавление какой-то заставы бросать не будут. Может быть, даже без артиллерии обойдется. Та батарея, что нас обстреляла, полковая, как минимум. И уже наверняка ушла, потому как полк против нас бросать, думаю, будет расточительно. Это даже, скорее всего – мы все-таки не Брестская крепость. Могут просто обойти, если окажемся крепким орешком, оставив на потом, второму эшелону, который начнет нас гвоздить издалека. Но к тому времени я надеялся уже убедить Андрея начать войну не «единой стеной, обороной стальной», а по-другому. Тем более что единой стеной стоять явно не с кем. До соседей справа и слева, по словам командира, по полдесятка километров. Тем временем бегущие, тяжело дыша, посваливались в окопы. Судя по тому, что двоих тащили под руки, – они были ранены.

– Все? – Я повернул голову к заму Сухова со смешной фамилией Юрчик.

– Четверых не хватает. – Он сморщил лицо и с надеждой уставился на опушку леса.

А прибежавший сержант уже докладывал командиру. Он говорил, что немцы, численностью до двух рот, на участке заставы форсировали реку и продвигаются в глубь территории. Что у нас убито трое, одного взрывом сбросило в реку – неизвестно, что с ним, и двое раненых. Потом передал документы убитых Сухову. Ну, парень – молоток. Он еще и документы убитых умудрился собрать! Уважаю... Сержант, кстати, был тот самый, что брал меня возле речки. Только теперь конопушек почти не видно под слоем грязи и крови, текущей из разбитой брови.

Тем временем на опушке замелькали фигуры. Фрицы так сразу опасались выскакивать на открытое пространство. Ну понятно – сначала поразглядывают нас в бинокли, прикинут, что к чему, перегруппируются и только потом полезут. Минут пять было тихо, а потом от леса отделились человек пятьдесят и цепью шустро порысили в нашу сторону, все больше забирая вправо. Сухов передал бойцам, что огонь только по команде. Прямо как в кино! Типа – героические пограничники встречают превосходящие силы врага, с выдержкой и отвагой. Я и ощущал себя как в кино, с интересом наблюдая за перемещениями немцев и приготовлениями наших. Страх до сих пор не было. Немцы тем временем вытянулись в цепь, основной фронт которой приходился на развалины заставы. Блин! Да ведь они нас толком не видят! Дым сюда сносит, и туман еще не рассеялся. А тот десяток бойцов, что скрылся в нашей стороне, для них опасности не представляет. Наверняка у гитлеровцев сейчас задача стоит – завладеть расположением заставы. И они ее выполняют, не отвлекаясь на посторонние движения. Ведь по их прикидкам – окопы, где мы сейчас торчим, должны быть пусты. Это если немцы о них вообще знают, потому как над траншеями была натянута маскировка и с воздуха их обнаружить было проблематично.

Так, они все-таки решили проверить, куда делись уцелевшие пограничники, и от цепи человек пятнадцать двинулись прямо на нас. В нашу сторону повернул и один пулеметчик из тех, что шли за наступающими. Вообще, если точно говорить, их было двое, потому что пулемет тащили два человека. Я толкнул в плечо стоящего рядом Юрчика:

– Пулеметчиков надо валить первыми. А то нам станет совсем грустно.

– Завалим, – тяжело выдохнул он, поудобнее устраиваясь на бруствере.

И чего Сухов медлит – нас же сейчас заметят. Только я это подумал, как старлей рывкнул: – Огонь!

Пулеметчики упали сразу, еще несколько человек тоже. А остальные просто залегли и начали стрелять в ответ. У пограничников, помимо винтовок и одного ППД, было еще два пулемета Дегтярева с круглым диском-нашлепкой наверху. Я первый раз в жизни увидел, как он стреляет. Это было нечто. Такое впечатление, что своим лязгом пулемет заглушал даже грохот выстрелов.

И что мне сейчас делать? Оружия нет, из пальца не стрельнешь. Приходится, лишний раз не подставляясь, просто посматривать за обстановкой. Зараза! Очередной раз, высовывая голову из окопа, заполучил в глаза целую горсть земли от пули, попавшей в бруствер. Метко стреляют, сволочи. Да и что-то много их стало. Огонь с той стороны явно усилился – к месту боя подтянулись остальные гансы, похоже, наплевав на изучение остатков заставы.

* * *

Тихо. Ни выстрелов, ни грохота. Было слышно, как чвиркают какие-то лесные птицы. Достаточно высоко поднявшееся солнце ощутимо припекало. Сильно воняло сгоревшим порохом и еще чем-то кислым. Немцы уже с полчаса тихарились в лесу. Видно, обдумывали, как нас половчее взять. Хотя, скорее всего, засылали хелпы старшим братьям. Это тем, у кого стволы побольше или броня потолще. Хорошего от такого молчания ждать не приходилось. Когда они на нас навалились, я уж подумал, все – капут. Наиболее прыткие фрицы подбирались так близко, что добрасывали до нас свои гранаты на длинных ручках. Удобная, кстати, вещь – далеко летит. Но таких выскочек довольно быстро или отстреливали, или отгоняли. А они все перли и перли. Погранцы же молотили из всех стволов. Гулко хлопали винтовки, их солидно поддерживали два «дегтяря» по флангам. Единственного ППД, с которым таскался комсорг, исполняющий обязанности замполита заставы, на этом фоне почти не было слышно. Правда, вначале я не мог понять, противник падает, потому что в него попали или он просто залег. А потом как-то раз, и все! Прозвучал свисток, и напор атаки резко ослаб. Услышав свист, удивленно высунул нос из окопа и наблюдал, как немцы организованно откатываются к лесу. То есть получается, их командир принял решение и вместо того чтобы, надсаживаясь, орать, дунул в свистелку, тем самым дав приказ на отход.

Бой длился минут двадцать, но устал за это время, как будто вагоны разгружал. Хотя я-то в нем как сторонний наблюдатель участвовал. А вот фрицам пришлось побегать и попрыгать вволю. Да и у наших бойцов гимнастерки были мокрые. М-да... Организм во время такого выкладывается полностью, и, несмотря на мощный выброс адреналина, человек все-таки быстро выматывается. Это только в кино можно часами идти в атаку и вести бой, а в реальной жизни вон как получается... Наверное поэтому даже тридцатилетний в армии считался достаточно пожилым. А уж сорокалетний – это вообще глубокий старик, и дальше обоза или техобслуги их старались не посылать. Они бы просто физически не выдержали такого темпа. Хотя, конечно, на войне случалось разное, бывало, и пенсионеров из ополчения в бой кидали. Но это больше от дурости и отчаяния.

А немчики, после свистка своего рефери, отошли к опушке и там затеяли нездоровую возню.

«Пум! Шшихх! Бах!»

Ага. Вот и минометы. Калибр, судя по всему, поменьше, чем у советских, скорее всего, миллиметров 70–80. Во всяком случае, если по звуку судить. То ли дело наш полковой – 120-миллиметровый. Он долбает так – уши отклеиваются. И бьет издалека, из-за укрытий. У немцев таких «самоваров» пока нет. Гораздо позже, натерпевшись под тяжелыми минами и захва-

тив в Харькове документацию, они к сорок третьему году его скопируют. А пока, выходит, развлекаются с этими. Дальность выстрела у этих коротышек была вполне приличная, но за спиной у минометчиков был лес, поэтому они расположились на опушке, за кустами. И судя по деловой суете, возникшей там, скоро пристреляются и потихоньку ухлопают всех, кто сидит сейчас в окопах. Что-что, а минометчики у немчуры всегда были классные. У нас сейчас двое убитых и еще пятеро раненых – это за время прошедшего боя. А через полчаса фрицы без потерь подойдут к позициям и добьют тех, кого мины не добились.

– Приготовиться к атаке! – Старлей, выкрикнув команду, взял винтовку и отвел затвор, проверяя патроны.

– Ты что творишь? – подскочив к командиру, дернул его за плечо. – Там же пулеметы! В пять секунд всех положат, и крикнуть не успеете.

Я как-то даже разочаровался в Сухове. Надо же такое придумать. Вон ведь эти сраные минометчики. Их же видно, хоть и за кустами ныкаются. Бери и отстреливай. Далековато, но можно!

– А что, здесь сидеть и ждать, когда всех положат? – Сухов повернул ко мне закопченное, грязное лицо и зло выпятил челюсть.

– Вон же они, стреляй – не хочу! – Я даже начал подпрыгивать от негодования, на минуту забыв то, что для меня кажется хоть и трудным, но выполнимым, для них – просто нереально.

– Не достать их там. Нет у нас снайперки, и даже для нее далеко.

Мы говорили очень тихо, да и мины бухали, заглушая разговор, поэтому командир и не дал сразу по башке за подрыв своего авторитета, а просто отпихнул меня, уже готовясь выскочить из окопа.

– Я достану! Дай ствол!

Вырвав из рук опешившего Андрея винтовку и мельком оглядев ее, припал к брустверу. Так, дальность на максимум, дышать ровнее и, вообще, как там дядя Саша учил? Слиться с оружием, ствол просто продолжение взгляда, а я и есть пуля, куда захочу, туда и попаду. Бах! Есть один. Бах! Есть второй. Бах! Фигурка подносчика, закрутившись волчком, упала. Один расчет миномета выбит подчистую за каких-то десять секунд. Вообще-то, конечно, было тяжело. Минометчики торчали далеко, на грани моих возможностей, но я их сделал. И винтовка хорошая. Не СВД, конечно, современная, а СВТ – самозарядка Токарева. И чего ее хаяли все? Капризная, дескать, и ненадежная. Зато бой отличный и затвор дергать не надо. Следи только за газовым регулятором и чисти вовремя. Хотя в РККА пехота всегда была или из деревень, или, что еще круче, из аулов. Для них мотыга – это уже вершина человеческой мысли, а тут регулятор, еще и газовый. Мозгов не хватало разобраться с оружием, вот и ругали его.

Я тем временем начал сокращать второй расчет. Они стояли неудобно – еще дальше первого и под углом. Поэтому чаще начал мазать. Но потихоньку дело двигалось. Щелк! Патроны кончились. Кто-то сунул в руку полную обойму, и я, вогнав ее в приемник, продолжил стрельбу. Немецкие фигурки вдалеке как-то сильно заволновались. Забежали, начали залегать. Видно, только сейчас дошло, что их нагло отстреливают. Кто-то пробовал окапываться, но землекопов я тоже безжалостно изничтожал. Потом начали оттаскивать минометы и их пострадавшие расчеты в лес, за пределы видимости. Нью-нью. Неужели лопухнутся? Надеюсь, они достаточно разозлились, чтобы принять неправильное решение... Есть! Из леса опять начало бумкать. Сделать они успели еще выстрелов пять, как в кронах деревьев, над их позицией, мы заметили разрыв. Ха-ха три раза. Ну кто же в лесу стреляет? Там деревья, ветки. Вот одна из мин, только взлетев, и зацепила за что-то.

Все. Стрельба прекратилась. Стало тихо. Я, отлипнув от бруствера, повернулся и протянул винтовку Сухову, который смотрел на меня круглыми глазами.

– Нет, парень! Оставь ее у себя!

Старлей подвинул винтовку назад, не переставая меня разглядывать и как-то ошарашенно улыбаться. Видно, сильно его пробрало такое сольное выступление.

– Где ж ты так стрелять наловчился, а? Кто бы мне рассказал, не поверил в жизни! Я сам призы получал за меткую стрельбу, но чтобы ТАК стреляли – и не слышал!

Он покрутил головой, все еще находясь под впечатлением.

– А это у меня семейное.

Я ухмыльнулся и продолжил:

– Ты лучше думай, что дальше делать будем. Немцы сейчас настучат своему начальству, что здесь их обижают, и за нас возьмутся всерьез. Надо отсюда уходить. И чем быстрее, чем лучше. Ведь те две роты, что переправлялись, сейчас где-то недалеко. А нас давило не более полуроты, ты сам видел.

Меня, после того как разделились с минометами, стал остро заботить вопрос эвакуации. Действительно, если сержант говорил, что на нашем участке будет до двух рот (а это человек двести), то где же остальные? Мы пока видели пару взводов – не больше. Понятно, что у каждого свои задачи, но уж на уровне «рота – батальон» можно перегруппироваться как хочешь и в быстрые сроки. Так что, пока мы тут трындим, вполне возможно, остальные потеряшки быстрым темпом заходят к нам с тыла, от того лесочка, что за окопами. Поэтому я опять обратился к Сухову:

– Слушай, командир. Какие у вас нормативы для подхода подкрепления существуют?

– Полчаса. Это из отряда. И еще в течение часа должны подойти линейные части.

Старлей вздохнул и стиснул челюсти. Видно, и его терзали смутные сомнения, что все идет как-то не так. Ну, правильно. Мы тут уже часа четыре валандаемся. И в общем-то всем понятно, что если немцы опять попрут, то будет туго. А если попрут в обновленном составе, то есть ротой, тогда трындец. Не удержимся. М-да... Попробую ненавязчиво дать совет командиру:

– Вообще, если считать, что застава пошла в атаку, то вы все уже лежите во-о-он там, в поле.

Я показал, где бы лежал личный состав после самоубийственной атаки.

– И что? – Сухов мрачно посмотрел на меня, потом смягчился и спросил: – Что ты хочешь сказать?

– Хочу сказать, пока фрицы репы чешут, надо уходить в сторону расположения отряда. Или ближайшей воинской части. Здесь мы уже явно своих не дождемся, а если немцы против нас хотя бы броневик пустят, сам понимаешь... Ведь ружей противотанковых у тебя нет?

– У меня и гранат противотанковых почти нет. Четыре штуки всего. Мы же не пехотная часть. Больше и не надо было.

Старлей, похоже, не мог понять, что происходит, и это его нервировало. Где армия? Где помощь отряда? Куда все делись? Связи нет. Раненых надо эвакуировать, а как? Но перед подчиненными нельзя было показывать свою нервозность. А вот я – другое дело. Лисов, фигура нейтральная, которую можно не стесняться. И совет принять не зазорно. Наконец он решился:

– Командиры отделений, ко мне!

Через пару минут к нему подскочили три сержанта и его зам Юрчик. Замполит был ранен и лежал с другими увечными в небольшом блиндаже. Хорошо еще, тяжело раненных не было, и санинструктор пока справлялся.

– Сейчас скрытно выдвигаемся в сторону расположения отряда. Прикрывать останется сержант Иванов и пятеро из его отделения. Кто – на твое усмотрение. Один пулемет тоже тебе оставляем.

Тут командир сменил тон и, глядя на моего конопатого знакомого, сказал:

– Ты тут не особенно геройствуй. Постреливай по немцам, пусть думают, что мы все здесь, а потом, минут через десять, уходи за нами.

– Есть, товарищ командир!

Иванов козырнул и побежал по окопу к своему отделению, а старлей начал доводить до остальных порядок отхода.

Все-таки нормальный мужик Сухов. Смелый. Другой бы просто уперся рогом и остался на месте. Потому что немцы убьют или нет, еще не известно, а вот свои, за оставление без приказа позиции, – точно к стенке прислонят. А он и людей бережет, и решения принимать не боится.

Тем временем бойцы, скрываясь в траве, где пригнувшись, где ползком, уходили на восток, туда, где был большой лесной массив. Ушли удачно. Только все собрались под деревьями, как со стороны окопов послышались звуки разрывов. Да уж. Это не давешние «самовары». Это явно гораздо серьезнее. Били из орудий. Глядя в ту сторону, я увидел, что Иванов успел свалить и ходко, вместе со своими подчиненными бежит к лесу. А над нашими позициями в небо взлетают высокие фонтаны земли, подсвеченные изнутри красным. Вовремя смылись, очень вовремя. Останься мы на месте – боеспособных людей уже не было бы. В окопах валялись бы только раненые, контуженые да убитые.

Дождавшись, когда запыхавшийся арьергард достигнет основных сил, Сухов, назначив дозорных, повел бойцов в глубь нашей территории. Пограницы шли быстро и тихо. Подстреленных бойцов тащили на носилках, которые санинструктор приготовил заранее. Нас пока никто не преследовал. Да и с чего бы? Немцы усиленно обрабатывали покинутые окопы и, похоже, останавливаться не собирались. Ну и флаг им в руки. Каждый снаряд, он денег стоит. И чем больше будет снарядов, выпущенных впустую, тем больше Германия выкинет денег на ветер. Бабки, они и на войне основную роль играют. Не зря же нашим за каждый подбитый танк или сбитый самолет крупные премии выплачивали. И разведка немцев вербовала вовсе не на голый патриотизм (сколько их там, сочувствующих Тельману, после чисток осталось), а исключительно за твердую валюту. И поставки по лендлизу золотом оплачивались. Только в середине семидесятых расплатились по ним, и то не полностью. Шлеп! Отогнутая впереди идущим ветка чувствительно мазнула по лицу. Я очнулся от философствований и удивился, с чего бы меня вообще о деньгах рассуждать потянуло? Видно, безденежная юность сказывается... Тем временем деревья становились реже, и впереди было видно открытое пространство. Хорошо просматривался перекресток дорог. К старшему лейтенанту подбежал один из бойцов, посланных в дозор, и доложил, что по дороге двигаются немцы. Много. Идут колонной, в которой двадцатка машин, пять танков, орудия и в пешем строю не менее батальона.

С опушки было видно, что за перекрестком было селение, в котором догорали дома.

Пока Сухов рассматривал открывшуюся картину в оптику, я подошел к нему и, кивнув в сторону деревни, спросил:

– Тут отряд стоял?

– Нет, дальше, километров пять. Но и там дымится все. А стрельбы не слышно. Неужели всех положили? Не может быть....

Он оторвался от бинокля и растерянно посмотрел на меня.

– То ли еще будет. Война – сам понимаешь. Вас бы так же накрыли, не попадись вам один шустрый «студент».

Утешать его я не собирался. Да и как утешать, не знал. А вот лишний раз напомнить, кому они жизнью обязаны, мне было не в падлу. Может, и не сразу сдаст, когда до своих доберемся. Сухов напоминание воспринял спокойно, только щекой дернул и сказал:

– Ты мне скажи, если ТАМ у нас все такие умные, почему так получилось? Ведь ты все заранее знал. Доложить не успел? Но ведь не один же ты такой был?!

А может, прямо сейчас ему намекнуть о себе? Момент подходящий. Бойцы из-за кустов осматривают немецкую колонну, Юрчик пошел посмотреть раненых, и возле нас никого не было. Взвесив все за и против, решил не раскрываться. Успеется еще.

– Не один. Только вот агентурным не верили. Почему, я и не знаю. Захочешь, сам потом спросишь, если жив останешься и если тебе отвечать станут. А я обычный разведчик. Не полковой, конечно, но обычный. Языка там достать, ближние тылы пощупать. Ты просто прими это к сведению, и все. Просьба вот только одна есть. Если у тебя какая непонятка будет – ко мне обращайся. Прежде чем немцев шашками рубить, консультацию наведи. Дурного не посоветую. Подготовка у меня – сам видел. И это только цветочки.

– Да? И что можешь, помимо стрельбы?

Командир явно заинтересовался моими способностями. Дивизионный разведчик или из разведки округа, это можно будет позже разобраться, а сейчас его интересовали мои боевые возможности. Так что сейчас буду погранца удивлять. Набрав воздуха побольше, начал:

– Полная диверсионная подготовка. Минно-взрывное дело. Прыжки с парашютом. Могу водить все, что ездит, без разницы, колесное или гусеничное. Артиллеристская подготовка. Рукопашный бой. Владею холодным оружием. Стрелковое – от пистолета до пулемета полностью. Снятие часовых. Если в группе – захват стратегических объектов. Уничтожение мостов и железнодорожных путей. Водолазная подготовка – но немного.

По мере этого монолога глаза Сухова расширялись все больше, и, когда я замолк, он выдохнул:

– Врешь!

– В деле проверишь. – Пожав плечами, я отвернулся, бросив: – Ты только о нашем разговоре не трепи. Сам будешь знать, и достаточно.

Андрей кивнул. Потом, подойдя к остальным, дал команду к выдвигению. Видно было, что он пытается переварить новые сведения, но периодически зависает, встряхивая головой и давя косяка в мою сторону. Ну, задал ему задачку – пусть думает. Во всяком случае, теперь можно аргументированно подсказки давать и ситуации прогнозировать. Все-таки человек из разведки, по всякому знает больше, чем командир заставы. Тем временем все уже собрались и были готовы. Пошли тем же порядком – впереди дозор, за ними остальные. Шли, не выходя на открытое место, где нас вполне могли заметить, направляясь в сторону расположения артиллеристского полка. Он, как я узнал, стоял километрах в десяти восточнее. Пока шагали по лесу, обратил внимание на большое количество немецких самолетов, которые пролетали с периодичностью рейсовых автобусов. Наших самолетов не было видно вообще. Тут, видно, учебники не врали. Первый удар был по аэродромам и нормальной авиации, чтоб с немцами на равных, у нас не будет еще года полтора. Мраки. Вот где сейчас фрицы будут резвиться. Колонны еще на марше уничтожать с воздуха. И народу поляжет немеряно, даже не успев и выстрелить по врагу ни разу.

* * *

До полка мы не дошли. Прощмыгнув пару раз через небольшие поля, опять вошли в лесок, что был недалеко от артиллеристов. Почти сразу нас недружелюбно окликнули:

– Стой, кто идет!

И послышался лязг нескольких взводимых затворов. Мы сразу залегли и ответили:

– Свои.

Оттуда матом выразились, типа, что свои дома сидят, только чужие шляются. Потом затребовали старшего. Я жестом показал Сухову, что пойду с ним. Он согласно кивнул, и мы вдвоем двинули к сросшемуся дереву, откуда на нас смотрел ствол пулемета.

Подойдя к матерщинникам, увидел человек десять бойцов и двух раненых, лежащих под елкой. Командовал ими сержант с обмотанной бинтом головой. Уши ему, видно, взрывом повредило. Под бинтами, справа и слева, были огромные куски ваты, и сержант был похож

на раздраженного Чебурашку. Он хмуро оглядел нас, но потом лицо разгладилось и «Чебурашка», улыбаясь, завопил:

– Товарищ командир! Я вас знаю – вы к нам в клуб приезжали!

Старлей недовольно дернул головой и спросил:

– Чего ты так орешь?

– Я вас не слышу почти! Меня гранатой оглушило! Говорите громче!

Сержант попытался рассказать, что произошло, но его утихомирили и дали слово менее громогласному. Парень, видимо, из вологодских, напирая на «о», начал рассказывать, что к ним в полк рано утром, еще до подъема, приехали четыре машины с бойцами. В самом полку многие были в увольнении, командир тоже уехал в город. Приехавшие же, показав документы начальнику штаба, который от вида бумаг сразу подобрался и вытянулся во фрунт, как-то быстро рассосались по всему расположению полка. Этот парень из Вологды был в наряде, поэтому все видел. А потом они начали стрелять. Свои расстреливали своих. Началась паника. Приехавшие, как в тире, расстреливали полуголых людей, выбегающих из палаток. Кто успел спастись – все здесь.

Сухов повернулся ко мне:

– Что скажешь?

– А что говорить? Немецкие диверсанты. Батальон «Бранденбург-800». Все в совершенстве знают русский, многие жили у нас в Поволжье или Прибалтике. Поэтому хорошо знают наши порядки и общий уклад. Специализируются именно по захватам объектов, наведению паники и уничтожению командного состава. У всех липовые документы, но очень качественные. Соответственно, все в нашей форме и с нашим оружием. Ну и подготовка у них отличная.

В этот раз Андрей даже не стал спрашивать, откуда я это знаю. Видно, решил, что диверсант моего уровня должен знать о противнике все. Ну и правильно. Потом мы узнали, что немцы, захватив полк, всюю хозяйничают на его территории. Те, что были в нашей форме, уже уехали, а им на смену пришли другие. Они выкатывают орудия, осматривая их, и, судя по всему, готовятся использовать. Еще на территории полка был большой склад артвооружения. Фрицы по-хозяйски поставили там часовых и всюю шуруют внутри. М-да... Если бы это была компьютерная игра – я бы уже прекратил играть. Столько потерять в самом начале. Да если б наши просто взрывали вверенное им имущество, даже не ожидая подхода противника, и то выгодней бы выходило. Ведь масса снаряжения, боеприпасов, техники доставалась немцам совершенно не тронутой. Сколько танков было брошено только потому, что горючего не было. А армейские склады?! Забитые боеприпасами и оружием, они были возле границы и охранялись максимум караульными ротами. Все это фрицы получили сразу – как бонус за внезапность. Именно внезапность. По логике, немцы должны были учесть крайне неприятный итог войны на два фронта. Ведь опыт Первой мировой у них был плачевный. Никто не рассчитывал на то, что они опять повторят ту же ошибку. Хотя эта ошибка поначалу вон какие дивиденды принесла.

У меня мысли опять перескочили на деньги. Как-то по ассоциации с дивидендами. И резко разобрала злость. Вот блин, рэкетеры беспредельные! Целый арtpолк со складом отмели себе и жируют! А вот хрен вам в спину! Парень этот, бывший дневальный, говорил, что склад забит боеприпасами. Вот и устрою сегодня детский крик на лужайке. Пока Сухов, позвав остальных погранцов, говорил с бойцами, я, забрав у него бинокль, пробрался на опушку и разглядывал расположение полка, прикидывая свои действия. Так, глухого забора нет. Полк, похоже, недавно здесь стоял. Личный состав жил в палатках. Вот этот домик, судя по всему, бывший штаб. Грибки часовых вижу. О! Там уже гансы службу тащат, как будто всю жизнь здесь стояли. Вон орудия... Ага, вижу штабеля ящиков под навесами, закрытыми масксетью. Это, похоже, и есть склад. За то время, что я смотрел, несколько раз к штабу подъезжали мотоциклисты. Немцы резво проскакивали в дом и через пару минут выбегали обратно. Курьеры,

наверное. Связь, видно, еще не протянули, вот и мотаются туда-сюда, развозя ЦУ. А от склада отъехало две машины, груженные ящиками. Моими ящиками! Этот полк я уже рассматривал как собственность, и каждый вывезенный снаряд уменьшал эффектность задуманного. Ну, вроде все посмотрел. Придя назад, поинтересовался у артиллеристов, правильно ли определился. Оказалось, что да. Все верно. А неопознанная мною большая палатка оказалась столовой. Потом, подойдя к старшему лейтенанту, поделился планами на ночь. Сухов сначала опешил от такого предложения, но потом, поскребя пробивающуюся на подбородке щетину, дал согласие.

– Заодно и в деле проверишь, командир!

Я подмигнул ему и начал инструктировать Иванова, которого с парой бойцов затребовал себе в помощь. Этого сержанта выбрал потому, что его Андрей оставлял прикрывать наш отход. И еще отследил, как командир заставы к нему относится. Как к парню толковому и соображающему. Мне именно такой и нужен. Озадачив Иванова, я опять забрал бинокль и уже вместе с Суховым пошел наблюдать дальше. Немцы расположились обстоятельно, будто всю жизнь здесь стоять собираются. Вовсю дымилась полевая кухня, а четверо гансов, вы не поверите, соорудив вместо поломанного шлагбаум на входе, уже заканчивали его красить! Вот это орднунг! Я даже головой помотал. Вроде мелочь. Но ведь и для такого дела нужны инструменты, краски, кисточки. Люди опять-таки. И это в первый день войны! Наши бы стали в такой ситуации ставить этот чертов шлагбаум? Да на хрена он нужен! А если б и поставили какую-нибудь лесину, то уж красить точно не стали. Действительно – другое мышление, другая культура. Плохо только, что вся эта культура против нас направлена. От этих мыслей отвлек вопрос Андрея:

– Так ты говорил, что можешь события прогнозировать? Интересно было послушать.

Он как-то насмешливо и в то же время с затаенной надеждой смотрел на меня, ожидая ответа.

– Тебе мои предположения не понравятся. Да и никому бы не понравились.

Я оторвался от бинокля и, сев по-турецки, закурил. Выпустив колечко дыма, вздохнул и продолжил:

– Точно, конечно, сказать еще тяжело, но я так думаю, что весь Запад мы потеряем. Такими темпами Киев уже месяца через два возьмут. А к зиме, если наши действительно за ум не возьмутся, немец под Москвой будет.

Пока я говорил, у Сухова белели глаза и раздувались ноздри. Потом он, наклонившись ко мне, прошипел:

– Да ты – провокатор! Немецкая шавка, падла!

– Ну и к чему эти слюни?

Я как сидел, так и продолжал сидеть, только прищурил глаза от попадавшего в них дыма.

– Сейчас эта шавка пойдет и поднимет на воздух склад боеприпасов. И фрицев положит, сколько сможет. И вернется, чтобы дальше их класть по мере сил. И людей при этом терять не будет впустую. Вопрос только – ты со мной? Или уйдешь туда – к нашим? И угробишь всех своих ребят, затыкая очередную дыру винтовками против танков? Чтоб ты знал – из списочного состава пограничников, начавших войну, к концу ее по предварительным, но, как сейчас уже видно, реальным расчетам, останется не более одного процента.

Андрей во время моего монолога слегка остыл и, тоже закулив, спросил:

– Пугаешь? Да хоть никого бы не осталось, но долг свой мы выполнять должны.

Потом помолчав, все-таки поинтересовался, с кривой улыбкой:

– А что там дальше твой аналитический ум говорит? Раздолбаем мы немца, или как?

Вроде безразлично поинтересовался, но я-то видел, как он напрягся в ожидании ответа, даже рука с сигаретой подрагивать начала.

Ну, хорошие новости и говорить приятно. Я улыбнулся во весь рот и сказал:

– Не бойсь, командир! Само собой. Умные люди эту войну предсказывали. Другой вопрос, что их никто не слушал. Но анализ ситуации делался. По этому анализу, года через три наши водку в Берлине пить будут.

Сухова слегка отпустило. Видно, упоминание об умных людях вселило надежду. Можно понять мужика – первый день и такая встряска. Шок от начала войны. Да плюс еще и все предвоенные расчеты к черту летят. Ни помощи от командования, ни поддержки. Все как в воду канули.

Поэтому он не возмутился сроками войны, а только выдохнул:

– Так долго? Три года?

– А ты думал что – за месяц Германию победить? Сам видишь, как немцы воюют. И как наши – тоже. А ведь это только начало. И когда я говорил про винтовки против танков, то не преувеличивал. Сейчас попадешь к своим, и сунут тебя прорыв затыкать, с тем, что есть. Или думаешь, артиллерию дадут? Так вон она артиллерия наша – фрицами охраняется. Или может, хоть один самолет со звездами сегодня видел? Они сейчас на аэродромах, уже даже не горят – догорели.

Старлей мрачно смотрел в землю, ничего не говоря, и я продолжил:

– А вот если немцам по копчику ударить, им очень больно покажется. Здесь, по тылам, мы такого наворотим – дивизия не сделает. А я ребят твоих обучу, насколько смогу. Давай, командир, решайся!

М-да... Загрузил я его по полной. Он только буркнул, мол, там видно будет, и решил сменить тему, поинтересовавшись, когда собираюсь выходить.

– Да вот как стемнеет, так и двинем. А сейчас отдохнуть не мешало бы, перед делом.

Я поднялся, отряхнулся и пошел к маленькой поляне, где собрались все наши.

* * *

Нет, ну борзота полная! Они бы еще свечками объект освещали. Прожекторов у немцев не было, только по периметру светились лампочки, не столько помогая часовым, сколько подсвечивая их. Где-то за палатками стучал дизель. Мы лежали метрах в тридцати от ближайшего грибка, ожидая очередной смены. Мы – это Иванов с автоматом, белобрысый парень по имени Вася, которого отрекомендовали лучшим пулеметчиком, и кабан Карпов с винтовкой. Карпова я взял из-за габаритов, чтоб было, кому языка тащить. Зачем нам сейчас язык, я еще не знал, но, думаю, лишним не будет. Тем более надо поддерживать свой имидж крутого диверсанта. Фрицы тем временем не торчали на месте, а патрулировали территорию. Двое ближайших к нам часовых сходились и расходились каждые пять минут. Вот с них и начнем. Оставив своих людей на месте, я пополз к месту схода часовых. Была даже еще не темнота, а поздние сумерки. Немцы отбились часа полтора назад, и караульные пока не пугались каждого шороха. Так, сошлись, теперь расходятся. Подобравшись метров на десять, чтоб наверняка, затих. И в очередной сход часовых я, приподнявшись на колено, метнул сразу два ножа. Долго такому броску учился. Особенно правую руку тяжело было контролировать – левша все-таки. Но зато потом удивлял знакомых и подружек, эффектно выделялся. Ножи легли хорошо, не зря часа два именно под них руку набивал в лесочке. Один воткнулся в шею, чуть сзади, перерубив по-видимому позвонки, а второй вошел точно в горло часовому, который был пониже. Беспозвоночный упал молча, а тот, кому досталось в горло, еще немного побулькал. При падении один из них громко брякнул жестяным тубусом противогаза, и я несколько секунд выжидал, не появится ли кто на звук. Всем, похоже, было по фиг. Кто спал – продолжали дрыхнуть, а остальные караульные были далеко. Теперь быстро и в темпе. Подскочив к свежим жмурикам, стараясь не смотреть на них, вытащил из тел ножи. Все-таки мощная вещь – тесак от СВТ. Шею почти перерубило. Не смотреть, не смотреть... А то сейчас блевану ненароком. Такое

бывает, когда первый раз. Да и не только первый. Теперь к остальным, пока этих не хватились. Тут еще две пары караульных, ползают по периметру. Одну пару я слил как по маслу – даже не пикнули. А вот вторую... Чуть не прокололся. Они не сходились. Может, поссорились? Может, такую личную неприязнь испытывали друг к другу, аж кушать не могли? Но не сходились и все – нарушители устава! Поэтому, подобравшись поближе к одному, так метнул нож, что он, пробив грудь, на несколько секунд пришил часового к столбу. Эти несколько секунд мне ох как помогли. Второй-то эту бабочку видел. Но не мог понять, что происходит. И все равно чувствую – не успеваю. Поэтому, зажав нож пальцами с наружной стороны ладони, я поднялся во весь рост, приложил руки к ушам и, высунув язык, сделал часовому бе-е-е. Он ТАК удивился. Даже уже почти скинутую с плеча винтовку придержал на мгновение. Н-на! Я швырнул нож, тут же метнувшись следом. Все-таки метров двадцать было до цели. Нереально, блин, попасть, это не кино. Разумеется, не попал, но пролетающий нож заставил часового пригнуться и дал мне время подскочить вплотную. С лету, ударил его кулаком в кадык, а потом, не в состоянии остановиться, еще и еще. Ф-фу-у! Пронесло! Точнее, чуть не пронесло. Меня всего колотило. Слегка отдышавшись, рванул к ящикам. Там уже торчал Иванов с Карповым. У них были немецкие подсумки с гранатами, которые ребята прихватили у убитых часовых. Ну-с, приступим. Мы споро вскрыли укупорки и начали закладывать в них гранаты. Карпов вкручивал в снаряды взрыватели, чтоб наверняка рвануло. Оставив мужиков заниматься общественно полезным трудом, я, пригибаясь и скрываясь в тени навесов, шустро порысил к замеченной еще днем палатке. Там изволили почивать командир этих неудачников. Почему неудачников? Да им спать спокойно осталось минут десять, а потом, как говорится, – живые позавидуют мертвым. Ухмыльнулся, вспомнив обаяшку Сильвера, и, почти улегшись на землю, вполз в палатку. Командир почивал один. Денщик его, долговязый и худой глист, спал в солдатской палатке. Остальные офицеры находились тоже отдельно. А этот фанфарон сейчас поплатится за свой снобизм. Как говорил еще Суворов – спать надо с простыми солдатами! И не фиг тут выделяться, заводя себе отдельные апартаменты. Что-то у меня веселье нездоровое прет. Надо быстрее дело делать. В палатке было темно, но мощный храп давал направление. На ощупь добрался до лежащего и, легким движением ощутив его, без затей врезал по темечку. Рулады и переливы тут же прекратились. Вот как надо! А то ложечкой поболтай, в лицо храпящему подуй... Зачем такие тонкости? По башке вдарил – и храпа как не бывало! Вспомнив, отвернулся от затихшего «языка» и опять нащупал на походном столике возле кровати предмет, заинтересовавший меня. Похоже, походный несессер. Вот и Сухову подарочек. А то страдает человек без бритвы. Я же вижу, как он, щупая щетину, все время морщится. Взвалив немца на плечо и выползя из палатки, пошел к мужикам. Они уже заканчивали. Срезав несколько длинных шнурков с маскети, бойцы привязали одни концы к гранатам, а другие я приказал привязать к двери бывшего штаба. Сейчас там жили какие-то хмыри, похожие на связистов. Во всяком случае, именно они ставили шест для антенны. Еще несколько шнурков пустили как растяжки по земле, на выходе из палаток. Вроде все. Передав немчащего фрица Карпову, я метнулся в командирскую палатку и захватил оттуда шмотки пленного. Все, можно уходить. Стоп! Переиграем. Фрица потащит Иванов, а Карпов потащит один ящик с взрывчаткой, обнаруженной тут же. Она нам пригодится. Я тут еще так развернусь – мало никому не покажется. Вот теперь уходим. Проскочив мимо нашего пулеметчика и кивнув ему, мы порысили дальше. Тот, кивнув в ответ, открыл рот, глядя на белую фигуру немца, висающего мешком через плечо Иванова. Фриц, в одном белье, напоминал кавказскую невесту, похищаемую женихом и его кунаками. Вася, судя по всему, похищаемых невест видел в первый раз, и это его сильно впечатлило. Отбежали почти до леска, и тут вдарил пулемет, дав несколько очередей по караулке и по стеллажам со снарядами. Через несколько секунд оттуда послышались заполошные крики, а потом все рвануло! Как говорил позже наш арьергард, он думал, что его вообще сдует. Ковыряясь в ушах, пытаясь вытряхнуть из них звон, Вася улыбался во весь рот, рассказывая, как

летали ошметки палаток и ящиков. Правда, это феерическое зрелище наблюдали все. И мы, и наш засадный полк, заныканный в леске. Поэтому, когда подошли к опушке, Сухов, даже не взглянув на пленного, молча подошел ко мне и сначала потряс за плечи, а потом обнял.

* * *

От руин артполка уходили всю ночь. Под утро остановились в очередном леске и завалились спать, предварительно выставив часовых. Немец, гадский папа, поначалу тормозил движение. Сапоги его я захватить забыл, и он подпрыгивал и спотыкался на каждом шаге, оглашая окрестности сдавленными «О! У!». В своем светло-голубом белье фриц был похож на заплутавшее привидение без мотора. Потом мне это надоело, и поникшего немца потащил на себе Карпов, перекинув через плечо, как мешок картошки. По пути его подменял один амбал из артиллеристов.

Отоспались хорошо. Проснулся уже после обеда бодрый и веселый. День солнечный, птички поют, деревья тихо шумят. Идиллия! Но девятка «юнкеров», проплывшая в стороне, разрушила все настроение. Встряхнувшись, занялся насущными делами. Хотелось пить и наоборот. Сделав наоборот, попил в роднике, что бил возле овражка, и пошел выяснять, как у нас насчет пожрать. В принципе, я знал, что почти никак. У погранцов был с собой сухпай, который они брали еще с заставы. Ё-мое. А ведь это только позавчера было... Вот время идет как. Кажется, что месяц воюем. Артиллеристы же, сваливали от диверсантов налегке и не озаботились прихватить пропитание. Они, кстати, сильно вчера наш сухпай ополовинили. Вот еще одна головная боль. Я даже пожалел, что не свистнул у немцев с кухни еще и ящик консервов. А потом подумал – конечно, Карпов мощный мужик, но и у него есть ограничение грузоподъемности. Позже поймал Сухова, который с видимым удовольствием брился, и, дождавшись окончания водных процедур, потащил его к пленному. Фриц сидел на поваленном бревне, кутаясь в плащ-палатку, выданную ему кем-то из солдат, и невидяще глядел перед собой. Немецкий майор (вчера по погонам на кителе определили его звание) пребывал в прострации. Ну конечно – мирно улечься в своей кровати и очухаться в лесу, среди диких русских, кого угодно выбьет из колеи. И тут я неожиданно озабочился вопросом – а вообще, переводчик с немчины у нас есть? Как выяснилось, нет. Фриц по-русски тоже ни бельмеса не понимал. Мы с Андреем недоуменно уставились друг на друга.

– Ну и на хрена я его тащил, спрашивается?!

Пребывая просто вне себя, чтобы успокоиться, сделал пару кругов по поляне. Вот же гадство! Нас толпа, человек сорок, и никто языка не знает! Моего запаса знаний немецкого хватило только, если б немец был продавцом, а я покупателем. И то при покупке комплектующих к компу. Ну, не считая разных там «хенде хох» и «Гитлер капут». Этого явно маловато будет для разговора. Опять-таки встает вопрос, что с ним делать? На мой намек, что немца надо валить, Сухов возмущенно ответил – дескать, пленного трогать не даст и, по всем законам войны, он находится под защитой Женевской конвенции. Никакие доводы о том, что конвенции в этой войне на нас, во всяком случае, распространяться не будут, на командира не действовали. Уперся рогом, и все. Потом уже, пытаясь поговорить с майором, выяснил только то, что он артиллерист, зовут Гельмут Корп и родом из Гамбурга. Все, на большее знаний не хватило. Так и таскали его несколько дней за собой, отдав форму и связав руки. Фрицевский пистолет с документами я отмел себе, как законный трофей. А потом нашей группы не стало...

Все неожиданно получилось. Мы уже недели две бегали лесами по району, наводя шорох среди немцев. Один раз даже раздолбали колонну, в которой была пара танков. Хлипенькие, правда, танки. От моего фугаса, сделанного из взрывчатки, стыренной из артполка, и найденных позже снарядов, у одного из них даже башню оторвало. Нас, конечно, пробовали ловить, но всегда уходили чисто, и фрицы обламывались с поимкой злодеев. А потом наткнулись на

колонну наших пленных. Ну, как наткнулись. Сидели на дневке, и тут прибежал наблюдатель, который доложил, что по дороге ведут пленных. Это была уже не первая колонна, виденная нами. Но все равно все подхватились смотреть и через редколесье наблюдали, как человек десять фрицев действительно конвоируют наших вояк, куда-то на запад. Пленных было человек пятьдесят. Многие раненые. И в основном, как я увидел в бинокль, – офицеры. Петлиц не разглядел, но нашивки на рукавах видны были хорошо. Нападать на колонну нам было совсем не с руки. Так же, как и до этого, когда мы встречали подобные группы. Дорога проходила далеко. До нее по открытой местности было метров 600–700. И по этой дороге периодически мотались немцы. Кто на машинах, кто на БТР. В это время в колонне произошла заминка. Мне не было толком видно, что происходит, бинокль был у Сухова, но там кто-то упал, и конвоиры сгрудились возле него. Потом треснул выстрел, и у Андрея сорвало крышу. Вскочив на ноги, он, не скрываясь, гаркнул:

– За мной! Вперед!

Бойцы рванули за ним, как стадо лосей, подбадривая себя протяжным криком «Ура-а-а!».

Даже пленного бросили. Да уж... С выдержкой у Сухова нелады. Я хоть и не видел, зато хорошо мог представить, что там произошло. Кто-то из раненых обессилел, его не успели подхватить, и немцы упавшего застрелили. Обычное дело. А вот старлей-то! Эх!

Я даже никуда не побежал, поэтому хорошо видел, как немцы-конвоиры задержались и как пленные начали разбегаться. А потом с одной стороны дороги появился броневик, а с другой, как по заказу, штук пять мотоциклистов. Вся эта рать моментом просекла ситуацию и в шесть пулеметов ударила и по наступающим, и по пленным. Вроде даже конвоирам досталось. Видно было, что нескольким нашим удалось скрыться в редком подлеске, с другой стороны дороги, но кому именно, я не разглядел. Во всяком случае, назад не вернулся никто...

Отстрелявшись, немцы прошли по полю, выискивая еще живых, а я встал и, достав нож, подошел к сидевшему на земле Гельмуту. Пленный смотрел на меня полными ужаса глазами, повторяя: «Найн, найн», бормоча еще что-то по-немецки. Вздохнув, слегка вмазал ему в ухо, и майор вырубился, потеряв сознание. Перерезав веревки, я повернулся и зашагал в глубь леса, думая про себя, что правильно сделал, не убив этого фрица. И Сухов был против. Да и у меня рука не поднялась связанного резать. Биомать, Андрей, что же ты сделал?! Ведь толковый, выдержанный командир, и так сорваться... Хотя его можно было понять. У нас на передовой, насколько знаю, даже в самые тяжелые времена, войска меняли через две недели. Уж очень силен был накапливающийся стресс и общая усталость. А здесь мы ведь не сидели на месте, а все время кружили по лесам, постоянно атакуя немцев. Да плюс еще шок от начала войны. Слишком резким получился переход от мирной жизни, тут еще и пленного на глазах застрелили, вот Сухова и заклинило...

Глава 3

Снова я один, без документов (не считая майорских) и опять не знаю, куда податься. Может, вообще плюнуть на все и рвануть в Австралию? Или в ту же Америку? Нет. Несмотря на накотившуюся ипохондрию, в Америку я не хотел. И если немцев до сих пор не мог в полной мере осознать врагами, несмотря на то, что эти дни их активно уничтожал, то американцев считал основным противником. Немцы – враг грозный, жестокий, а сейчас у них вообще вольтанутый фюрер вместо совести. Но вот почему-то в промежутках между войнами мы всегда дружили. А американцы – те нет. Все норовят исподтишка ткнуть или деньгами всех развести. Подлый народ. Вообще надо обдумать свои цели. А то все как-то времени не было. Я сел под дерево, давая отдых натруженным ногам, и, прикрыв глаза, принялся размышлять. Что я хочу? Ну, чтоб на войне потерь меньше было. Выполнимо? Очень с трудом и почти нереально. Нашим командующим я ведь мозги не поменяю? Даже если им все планы немецкого генералитета дать, что это особенно изменит? Да в общем-то ничего. Где-то в чем-то немного поможет, и все. Вон, в сорок втором, когда немцев уже от Москвы отогнали, что получилось? В зобу дыханье сперло, и решили, что фрицев шапками можно закидать. Только под Сталинградом очухались. А ведь к тому времени почти год воевали – опыт должен появиться... Хотя именно это можно попытаться изменить. И время есть – больше полугода на все про все. Что еще хочу? А хочу, чтоб Союз не развалился. И всего, что после развала произошло, не было. Выполнимо? Даже не знаю. На это у меня лет тридцать есть. Хотя, с другой стороны, лучший друг советского народа, это который Сталин, тоже не генсеком родился. Он тоже маленьким был и какался под себя. Но вот поставил цель, и теперь фигура! На кривой козе не подъедешь. Так что главное – обозначить задачу. Ну и удача нужна, конечно. Интересно, то что меня сюда закинуло, – это удача или наоборот? Под эти мысли, устроившись поудобней, потихоньку задремал. А что – имею право. Вон какие глобальные дела теперь надо делать. Только решить бы еще – как.

* * *

Стоп. Впереди кто-то есть. Вон за теми кустами вроде как мелькнуло. Я, присев на колено, напряженно вглядывался, пытаюсь понять, что там. Ничего не видно. А потом вдруг увидел. Пытался-то разглядеть серую немецкую или зеленую нашу форму, а тут, блин, стоит мужик в камуфляже. Поэтому сразу и не увидел. Мужик стоял ко мне почти спиной и маракровал что-то с планшетом. Хорошо еще, ветер достаточно сильный был, и шум листьев скрывал шаги. Вообще за это время я научился ходить как Чингачгук – почти бесшумно. Но совсем без звука по лесу не пройдешь, то ветка под ногой треснет, то сучок. А так, удачно его первым увидеть получилось. Камуфляж на мужике хороший. Мелким рисунком, почти как современный. Хотя камуфляж явно нашего образца, у немцев другая.

Еще позавчера, потеряв Сухова с ребятами, я сначала было ударился в меланхолию, но потом чувство голода быстро вернуло к жизни. И сейчас как раз шел добывать пропитание, а тут это чудо расплывчатое. Пока мужик паялся в свою планшетку, я разглядывал его. Среднего роста, коренастый. На пятнистом комбезе ремень с кобурой и за плечом ППД. На голове шлем, как у парашютистов, с подвернутыми ушами. Вроде наш. Правда, это если по автомату судить. И еще по тому, что одиночному немцу в лесу делать нечего. Они в одиночку по лесу не шастают, даже по грибы. У них инстинкты. Если в лес, то только толпой и желательно при поддержке тяжелой техники. Пятнистый тем временем разобрался с картой и двинул почти прямо на меня. Присев за здоровенным пнем, ждал, когда он подойдет ближе. Вот теперь можно. Резко выбросив ногу, попытался подсесть проходящего. Хрен нанась. Мужик умудрился среа-

гировать! Он подпрыгнул, пропуская удар, и, приземлившись, попытался вскинуть автомат. Я еле успел. Отбив автомат, забодал его головой в живот, добавил по ушам и приземлился коленом на промежность. Ни фига себе – попрыгунчик! Переведя дух, пока он валялся в отрубе, в темпе обыскал, отбрасывая в сторону оружие, которого оказалось на удивление много. Помимо автомата и пистолета, виденного мной, у него был еще один пистолет в кармане, три ножа, один из которых был под штаниной, на лодыжке, и три гранаты. Вершиной всего была двухсотграммовая тротиловая шашка в подсумке с дисками и несколько детонаторов. Рембо, однако. Я задумчиво покосился на эту гору снаряги и на всякий случай связал пятнистому не только руки, но и ноги, пропустив веревку захлестом через горло. Береженого Бог бережет. Потом, сев в паре метров от него, открыл планшетку. Ага, карта, компас. Посмотрев на мужика и увидев еще один компас у него на руке, уважительно присвистнул. Какой хозяйственный человек. Так, дальше смотрим. Ого! Шоколад, целых две плитки. Я тут же начал жевать одну. Что у нас тут еще? Несколько запалов, русско-немецкий разговорник и шесть офицерских удостоверений личности. В смысле командирских, потому что книжечки принадлежали среднему командному составу РККА. Некоторые были в крови. Быстро просмотрев их, я отметил, что все принадлежали командирам из разных частей. В основном пехота, но было и артиллериста и даже одно удостоверение офицера-танкиста, обгоревшее по верхнему краю. Видно, Рембо собирал документы, найденные у убитых офицеров. Вспомнив читанные книжки, еще раз обыскал лежащего, и не зря. Под двойной материей на локте нашел шелковую тряпочку с текстом, в которой говорится, что предьявитель сего является советским командиром и его необходимо препроводить в особый отдел армии. Ни имени, ни фамилии в ней не было, зато присутствовала печать и роспись. Правда, печать была несерьезная – просто штамп с номером. М-да... Фиг бы у меня получилось этот листок найти, если б не знал, что искать. Он не прощупывался вообще. Но я нутром чуял, что что-то похожее должно быть. Ведь выполнит такой вот человек задание, а к моменту выхода к нашим все уже десять раз изменится. В смысле позиции войск в месте выхода. И чтобы не было недоразумений с озверевшими от количества немецких диверсантов полковыми особистами, имеется вот эта тряпочка. И цифры на штампе, наверное, что-то обозначают. И штампы эти наверняка периодически меняются.

Пока разглядывал документы, связанный пришел в себя. Видно было, что он, не открывая глаз, пытается определить, какая именно хрень с ним приключилась. Ну, пусть определяется. Связал-то я его на совесть, так что неожиданной подляны ждать не приходится. Мужик наконец открыл глаза и посмотрел на меня в упор. Потом покрутил головой и, не увидев больше никого, опять уставился в мою сторону. Ударными темпами доедая шоколад, я делал вид, что мне интересна только эта жрачка.

Молчание затягивалось. Первым не выдержал он. Поведя подбородком, пытаясь убрать мешавшую веревку, спросил:

– Ты кто?

Так и подмывало ответить: «Дед Пихто», но я сдержался, продолжая молча жевать и смотреть на лежащего пленника. Помолчали еще. Видно, пятнистый терялся в догадках, кто же его взял. С двумя пистолетами, в кожанке и черных, грязнущих уже джинсах, заправленных в ботинки, я был похож, скорее, на революционного матроса, чем на немца.

– Ты меня слышишь?

Мужик опять попытался наладить контакт. Уже лучше. Начни сам его спрашивать, он вполне мог заткнуться и молчать. Не зря ведь есть выражение – партизан на допросе. А так – мне от него вроде ничего и не надо. Это ему от меня надо. Вон как ерзает...

А ведь действительно, что-то он сильно ерзать начал. Ё-моё! Он же рядом с муравейником лежит, а я и не заметил. Быстро подхватив пленного за веревку на ногах, оттащил на несколько шагов в сторону. Потом снова уселся в паре метров от него и закурил. Достали уже меня эти немецкие сигареты. От суховского «Казбека» я кашлял, от солдатского самосада

вообще чуть не помер. Затянулся и застыл – ни вдохнуть ни выдохнуть. А от немецких – такой кисляк на языке, что курить противно. Да и пасты зубной тут нет. Вот чего сильно не хватало, так это зубной пасты. Чистишь зубы, как дурак, еловой веточкой, без ничего. Никакого, как в рекламе говорится, свежего дыхания, блин!

– Веревку ослабь – горло сильно давит.

Ага – пятнистый опять внимание привлекает. Подойдя к нему, разрезал веревку, перетягивающую горло, и опять отошел, но не уселся, а остался стоять. На фиг, на фиг. Уж больно он резкий. Надо будет, если что, первым успеть. Мужик покрутил головой, разминая шею, и сел, опираясь на корень дерева.

– Так кто ты, парень?

– Немецкий шпион. Главный фашистский диверсант на службе у Канариса. По мелочи подрабатываю у Гиммлера. Но он меня обидел, не дав рыцарский крест и восточный пригород Берлина в собственность, так что теперь я мстю. Или мщу. В общем, бегаю по лесам и отлавливаю бывших соплеменников и коллег. Подорвать могу при случае чего-нибудь. Или поджечь. А документы шпионские у меня были – ты не сомневайся. Но я их съел. Жрать сильно хотелось, вот и съел. Только что. Сейчас их, как видишь, шоколадкой заедаю.

По мере того как я говорил, глаза у него расширялись все больше, и в конце монолога он пробормотал:

– Псих, что ли?

– А хрен его знает. Я себя помню с того момента, как возле воронки очнулся. В каких-то тряпках обгорелых. Эти шмотки, уже после, в разбитой машине нашел.

Похлопав себя по одежде, продолжил:

– А потом меня все за шпиона принимали. Морда, наверное, подходящая. И немцы, и наши. Ну, с немцами проще, их хоть сразу, как заподозрят, ухлопать можно. Что и сделал с тем патрулем, который меня взял. А с нашими сложнее. Не могу я как-то своих убивать. Мне они поверили только после того, как склад боеприпасов на воздух поднял.

После чего, облизав сладкие пальцы и сунув обертку под мох, вкратце рассказал (слегка подкорректировав) свои похождения с группой Сухова. Про последний бой сказал, что я, мол, тогда в живых остался только потому, что пленного охранял. А когда всех положили, немца завалил, забрал его документы и ушел. Пусть потом проверяют. Мы дел наворотили немало и проверить будет несложно.

– А почему немецким шпионом представился?

Мужик уже оклемался и с интересом слушал рассказ.

– Чего ж время зря терять? Ты, судя по всему, советский командир. Значит, я – немецкий шпион. Мне привычно, да и тебе голову ломать не надо, соображая, враг перед тобой или нет. А я что-либо доказывать уже задолбался. Так что лучше сразу шпионом сказаться. Время сэкономим.

Он покачал головой и сказал:

– Тебя, парень, видно, контузило сильно, вот память и потерял. Такое бывает. Где ты только так резво ногами махать научился? Меня завалить далеко не каждый может. Во всяком случае, я с такими не сталкивался. А ты в пару секунд уделал. И место для засады грамотно подобрал.

Потом хитро глядя на меня, предложил:

– Развяжешь?

– А ты драться больше не будешь?

Камуфляжный ухмыльнулся и ответил в смысле того, что он и не дрался, его били, это да, а сам он никого и пальцем тронуть не успел. Развязывая веревки, я тем временем отвечал на предыдущий вопрос. Где научился так ногами махать – не знаю. А вот после того, как очухался, из меня столько всего прет, что сам теряюсь. Проще, наверное, сказать, чего я не могу. Хотя и

этого тоже не знаю. Мужик встал, массируя руки, и, вопросительно глядя на меня, потянулся к куче своего оружия. Я кивнул, но напрягся. Если направит на меня ствол – придется его валить, хоть и не хотелось бы. Но он не дал повода для паники. Спокойно распахнул оружие по местам, даже не поворачиваясь ко мне. Только потом подошел, постоял, покачиваясь с носка на пятку, и сказал:

– Тут видишь, парень, какое дело... Задание у меня с группой было. Серьезное. А наш самолет еще над линией фронта подбили. Вроде и не сильно. Но на подлете он просто развалился. Только я и смог спастись. И теперь пустой, как барабан. Ни взрывчатки, ни радики. А объект тот подорвать надо чем быстрее, тем лучше. Я и так уже день потерял. Как на это смотришь? Сможешь мне помочь? Ты шустрый, такой мне ох как не помешает.

– Так я же немецкий шпион, не забыл?

– Да ну тебя!

Он махнул рукой и обиженно отвернулся. Потом, не поворачиваясь, процедил:

– Бздишь, так и скажи.

А ведь деваться этому диверсанту некуда. Одному задание не выполнить, и за невыполнение придется отвечать. Сейчас никто смотреть не будет на причины. Главное – результат. А его нет. Вот он и цепляется за любую возможность. Даже такую хлипкую и ненадежную, как я. Каким бы подозрительным ему неожиданный пленитель не казался, но где он сейчас других союзников искать будет? Во мне все пело. Вот он, шанс! Это не Сухов, с мизерными вариантами. Да и повел я себя тогда неправильно. А здесь, похоже, судя по возрасту, минимум капитан из разведки. Да еще и сам помощи просит. Если все выгорит, такие перспективы открываются – дух захватывает. Поэтому, почесав щетину, лениво ответил:

– Ну, с тобой так с тобой. Мне в общем-то все равно, куда идти, куда податься. Заодно выясню, что еще умею, помимо подрыва складов да меткой стрельбы.

Я улыбнулся и ткнул пятнистого кулаком в плечо:

– Веди, таинственный незнакомец!

* * *

Серьезным заданием был здоровенный железнодорожный мост. Самый крупный, по словам диверсанта, во всей округе. И по нему войска с техникой активно гонят на восток. Я-то, насмотревшись фильмов про войну, думал, что охранять его будут, как Березовского. С массой народа и стволов. Ни фиги! Даже зениток не было. По обеим сторонам моста торчали только пулеметные точки. Караулка была в большом бревенчатом доме с той стороны берега. В охране такого важного объекта принимали участие всего человек двадцать. А одновременно на нем бдели по двое на пулеметах с каждой стороны, да еще пара часовых шлялась по самому мосту. Вот где фриц непуганый затаился! Хотя я слышал, что аж до конца сорок первого года здесь, в Белоруссии, путевыми обходчиками были сами белорусы. Те же, кто этим занимался и при советской власти. И машинисты также. Во всех захваченных до этого странах никаких партизан не было, и гитлеровцы не подозревали, какой сюрприз их ожидает в Союзе.

Когда мы с моим пятнистым товарищем шли по лесу, он попытался познакомиться. Представился Сергеем и протянул руку, выжидающе уставившись на меня. Но я не повелся на такую хохмочку. Руку пожал, но сказал, что имени, фамилии своей не помню. В отряде Сухова, чтоб как-то называть, назвали Ильей, вот и он может так же. Удовлетворенно кивнув, пятнистый отстал. Потом опять пристал, интересуясь, как я его шелковую тряпочку нашел. Ответил, что искать умею, вот и нашел, а чтобы закончить разговор, предложил способ добычи взрывчатки:

– Надо будет снаряды поискать на разбитых позициях. Да с них тол выплавить. Детонаторов у тебя хватает.

Я кивнул на его планшетку, где помимо детонаторов было еще метров пятнадцать шнура и щипцы для зажима его в гильзах. Серега даже остановился и, удивленно глядя на меня, сказал:

– Я все голову ломаю, где взрывчатку найти! Думал даже саперов немецких поискать да на них налет сделать. А тут вон как! Ты точно шустрый малый. И головастый.

– Ну, дык! Можем кое-что.

Я пошел дальше, думая, как все-таки быстро меняется мышление человека. Уже через полгода то, что предложил, будет в порядке вещей. А сейчас даже диверсанта заставило удивиться. Правда, выплавлять ничего не пришлось. Под разбитым мостиком через овраг мы наткнулись на раскуроченную полуторку. Ее, видно, самолетом гоняли – вон, дыры видны в крыше кабины. Водила лежал тут же, уронив голову в ручей. В барахле, вывалившемся из кузова, помимо табличек «Осторожно, мины» и пустой тары был небольшой ящик с тротильными шашками. Вот как получилось. Серега думал немецких саперов пощипать, а попался наш. Пока напарник перекладывал тротил из ящика в найденные тут же вещмешки, я оттащил труп водителя к стенке оврага и начал засыпать его, обрушивая стенки доской от ящика. Поймал на себе одобрительный взгляд диверсанта. Похоже, он себе в голове какую-то отметку сделал. Хотя сейчас я работал вовсе не на публику. Сколько трупов уже повидал, сколько сам сделал, а этот водила чем-то зацепил. Надо было его похоронить. Может, в благодарность? Теперь не надо снаряды искать и тол плавить. Опасное это дело, как ни крути, ведь и рвануть может. Так что, может, и в благодарность – не знаю. Когда я закопал водителя, Серега подошел к получившемуся бугру и, вынув из автомата диск, вхолостую щелкнул бойком. Достав пистолет и подняв его вверх, поступил так же. Потом, подхватив раздутые вещмешки, мы двинули дальше.

Лежа в кустах и разглядывая мост, вспоминал, что мне известно про минирование таких сооружений. Вот здесь был пробел. Дядя Саша этому не учил. И во время моей службы тем более такого не было. Тут я Сухову в свое время приврал. Мосты взрывать не могу. Это же не склад рвануть или полотно железнодорожное. Тут расчет нужен. Без умения можно вагон взрывчатки извести, а толку не будет. Но Сергей уверил, что он знает свое дело. Только вот в охране заминка. Много их на него одного. Ну, тут уж я свое дело знаю. Дал гарантию, что когда он минировать будет, охрана ему не помешает.

Пошли на дело по уже проверенной схеме, в поздних сумерках. Маскируясь сначала в деревьях, потом в кустах и траве, добрались до пулеметной точки. До нее оставалось метров двадцать. Полежали, послушали. Фрицы периодически, каждые пятнадцать-двадцать минут, говорили по телефону. Непонятно только, с соседним постом или с караулкой. То есть показывали тем самым, что не спят и еще живы. Но скорее всего, просто действовали, как устав требовал. Положено через определенное время связываться, вот и названивали. Бояться-то сейчас им нечего. Что русские в таком глубоком тылу могут им целенаправленную пакость сделать, немчуре пока и в голову прийти не могло. Поэтому в остальном службу тащили из рук вон плохо. За местностью не следили, а болтали между собой. Один даже курил. Вот и хорошо... Дождавшись, когда закончится очередной сеанс связи, взяли их в ножи. Было видно, что Серега мне еще не вполне доверяет. Точнее, не мне, а моим умениям. До этого-то он слышал только слова. Поэтому пытался подстраховать, но, увидев, как я вогнал тесак своему под подбородок, – успокоился. А вот теперь цигель, цигель! Правда, пока без ай-лю-лю. Счет пошел на минуты. Диверсанту, чтобы заминировать опору, надо было минут пятнадцать-двадцать. Как раз время между звонками на пост. Пару минут уже прошло, а нам еще двух шатающихся по мосту часовых снять надо. Серега взял на себя дальнего, я ближнего. Прошло все тихо. Потом он полез куда-то под ближнюю опору, а я, зацепив все наши гранаты, на скорую руку ставил растяжки чуть дальше середины моста. Не забыл, в лучших традициях современных подлых войн, подсунуть гранаты и под трупы часовых на мосту. А потом зазвонил телефон. Биомать! Я

даже подпрыгнул от неожиданности. В тишине ночи телефон трезвонил, как пожарная сирена. Добежав до него, хрипло выдохнул в трубку:

– Халле?

– Дыр быр ферфлюхте быр!

– Халле? Вас? Вас? Фу! Фу!

Подул в трубку, изображая плохую слышимость. На той стороне голос был сначала раздраженный, потом в нем стали проскакивать тревожные нотки, а потом я бросил телефон и, подхватив пулемет, в несколько прыжков добежал до опоры моста. Вовремя. Дверь караулки распахнулась и оттуда как тараканы полезли гансы. Слышались вопли:

– Алярм! Алярм!

Будет вам сейчас алярм. Лупя короткими очередями, попытался загнать выскочивших обратно в караулку. Куда там! Ствол прыгал по металлическим перилам, и почти все уходило в молоко. Зато в ответ стреляли не в пример точнее. Банг! Банг! Банг! Несколько пуль со звоном ударило в металлические швеллеры, прямо возле головы. Фигасе, вот снайперы недоделанные, так и убить могут! Быстро поменял позицию и продолжил стрелять. А потом улегся на землю, утвердив сошки между шпал, так как немцы уже добежали до моста. Пулеметчик с той стороны молотил как сумасшедший. Пули звякали по железу, и рикошеты уходили вверх красивым веером. Но мне было не до красоты. Вспышки своих же выстрелов настолько слепили, что я не видел ползущих немцев и стрелял почти наугад. Бах! Ага, растяжки пошли работать. Значит, немцы добрались уже почти до середины моста. Бах! Бах! Где этот долбаный Серега?! У меня лента кончается. Перезарядить уже не успеваю. И тут он, не замеченный мной, вынырнул откуда-то сбоку и, пнув по ноге, крикнул:

– Ходу!

Давно пора. Бросив пулемет, рванул назад и вбок от моста. Сергей из автомата прикрывал, а потом побежал следом. Еще через несколько секунд так рвануло, что я, кувыркаясь, упал, и уши как ватой заложило. Потом поднялся и неторопливой рысцой, оглядываясь, двинул дальше. Было плохо видно, но, похоже, что ближний пролет моста весь рухнул в воду. На той стороне еще слышались вопли разобиженных фрицев и выстрелы, но нам уже это все было глубоко по барабану.

* * *

Хорошо просто валяться на траве. Солнышко светит, птички поют. Жрать хочется... Мне последнее время постоянно хочется есть. Прогулки на свежем воздухе очень способствуют аппетиту. Неожиданно пришла мысль – а каково было партизанам? У них же львиная доля сил, наверное, уходила на поиски пропитания. И только в свободное от добычи продуктов время они занимались своими геройствами. Я смахнул с руки мураша и сел.

– Ну хоть что-то ты помнишь?

– Да помню! Пельмени помню и мясо, жаренное на железных палочках, – м-м-м... как его?

– Шашлык, – машинально подсказал Сергей и потряс головой, пытаясь понять, как вообще с таким, как я, продолжать разговор.

Он уже минут сорок пытался вести допрос, оформляя его под дружескую беседу. Достал уже. Вопросы хитрые подкидывает. А я не ловлюсь. Если б знал теперешние реалии, то на чем-нибудь уже прокололся. Но их не знаю, и поэтому ему остается только удивленно поднимать брови. А когда в ответ на очередной вопрос ляпнул, что Англия – вроде союзник Германии, Серега аж подпрыгнул. Особенно его интересовала моя подготовка. Очень диверсанта удивило, как я обычными гранатами заминировал подступы. Ведь если б не эти гранаты, нас бы смяли очень быстро. А так фрицы не могли понять, что происходит, и сбавили напор. Еще

интересовало то, что когда улепетывал от моста, с ходу перескочил кучу валежника высотой метра два. Типа, как это у меня получилось? А я и сам этому удивляюсь. Даже не заметил, как перелетел, ноги сами несли.

– Попробуй вспомнить, где же ты этому научился?

– Слушай! Я имени своего не помню, а ты с меня место работы требуешь. Надоел уже. Сейчас вон провожу тебя до линии фронта, и привет!

До линии фронта было, правда, километров сто пятьдесят, но этого я уточнять не стал.

– Так ты что? Со мной к нашим не пойдешь?

Сергей был удивлен и даже не скрывал этого.

– Ха! Может, я и контуженый, но не сумасшедший! Что на той стороне делать буду? Без документов и памяти? Это я сейчас тебе нужен. Поэтому нормально разговариваешь. А там сунут в кутузку и начнут жилы мотать. Я же шпион. Забыл?

Диверсант вился вокруг меня, как большая зеленая муха. Видно было, что хочет чего-то сказать и даже рот открывает, но потом передумывает. Наконец он принял решение и выдал:

– Ладно! Там видно будет. До линии фронта еще дойти надо. Дойдем, после и поговорим.

Он достал карту, и, сориентировавшись, мы пошли дальше.

По пути, в деревне, я выменял на Серегины часы продукты. На халяву нас накормить отказывались, аргументируя, мол, много таких шляется. На диверсантов хватания за автомат пригрозили, что сейчас свистнут мужиков и те нам покажут кузькину мать. Так что с часами ему пришлось расстаться, и он долго бухтел о недобитых кулаках. Я сам, честно говоря, был несколько озадачен. До этого всегда кормили бесплатно. Наверное, хозяева жлобами оказались. А Серега объяснил, что эти области перешли к Союзу совсем недавно и крестьянство здесь темное до невозможности. Интересно, если б оно было светлым, значит, можно, тыча в нос стволом, забирать все, что понравится? Этого, конечно, вслух не сказал, а наоборот, согласными хмыками поддерживал возмущенное бурчание спутника. Потом мне надоела ходьба. Сразу после того как поскользнувшись, прыгая через ручей, потянул себе ногу. Не смертельно, но неприятно. Поэтому почесав затылок, выдал идею:

– Лучше плохо ехать, чем хорошо идти, – и предложил захватить что-нибудь на колесах. К примеру – мотоцикл.

Диверсант был против, дескать – сгорим моментально. Но я настаивал, аргументируя, что в лесу можем тоже быстро спалиться. Тем более мы уже раз видели, как группу наших окруженцев немцы с собачками, почти без стрельбы, выдавили из леса и, быстро обшмонав, погнали куда-то по дороге. В общем, уломал.

Байкеров поймали достаточно просто. Положив на дорогу веревку, которую я стырил на всякий случай у прижимистых крестьян, и присыпав ее пылью, стали ждать. Сначала никого не было, потом прошла пара машин. Потом опять никого. Серега даже начал бухтеть, что зря время теряем. Но тут появились они. Немцы сидели как Рэм и Ромул на волчице, друг за другом. Из люльки торчал бидон.

– Давай!

Мы натянули веревку у немцев перед носом, и их сдуло с мотоцикла, как ветром. Пока Серый добивал гонщиков, я осматривал средство передвижения, воткнувшееся в кусты. Все цело, только крыло помялось, и фара треснула. Выкинув пустой бидон (видно, фрицы решили за молочком смотаться), уселся за руль, сделав приглашающий жест:

– Транспорт подан! Эх, прокачу!

Диверсант уселся в люльку, кинув на дно кобуру с трофейным немецким пистолетом, и посетовал на отсутствие пулемета.

– Может, тебе еще и морду вареньем измазать? То вообще не хотел ничего, а теперь выделяется!

Настроение было хорошим, поэтому и зубоскалил без удержу. Серега хохму про варенье не слышал и тоже посмеялся. Потом, надев клеенчатый плащ и каску, я развернул мотоцикл и затарахтел по дороге. Пятнистый приятель сидел в люльке, накрывшись накидкой так, что только голова торчала. В общем, на первый взгляд, мы сразу не бросались в глаза, как наглые захватчики чужой собственности. Сначала, правда, я пугался встречных и попутных немцев, каждый раз по возможности прячась в кусты на обочине. Но со временем опасаться перестал, а наоборот – оборзел и катил нагло, иногда даже приветственно помахивая рукой. Ехать было действительно лучше, чем идти. Фрицы такого хамства не ожидали, и на нас никто даже не смотрел. А потом мы зарулили не туда. Видно, свернул не в ту сторону, и только минут через двадцать зоркий сокол Серега определил, что едем не по той дороге. Не на восток, а на юго-запад. Разворачиваться было стремно. Сзади нас подпирала колонна машин, за которыми катили мотоциклисты. Можно влипнуть, если сейчас крутиться начнем. Тут сзади посигналили, и я, скинув скорость, принял к обочине. Громыхая, нас обогнал одиночный грузовик, за которым шел БТР. Опаньки! В кузове грузовика за те несколько секунд, пока его не закрыл пылящий БТР, разглядел людей в нашей форме. Успел увидеть нашивки на рукавах и то, что некоторые были перебинтованы. А ведь, судя по количеству нашивок, это не лейтенантов повезли. Да и не стали бы лейтенантов в машинах возить. Пехом бы пустили. Видал я уже офицерскую колонну, на которой Сухов спалился. А здесь – полковники, как минимум. Вкратце обрисовав Сергею ситуацию, вырулил с обочины и, прибавив скорость, двинул за грузовиком. По этой дороге проехали еще минут десять, потом грузовик с БТРом свернули на перекрестке и сбавили скорость на ухабах разбитого проселка. Так, не торопясь, они ехали еще с полчаса и, доехав до небольшой деревни, остановились. Мы, притормозив, издалека наблюдали за дальнейшими действиями немцев. Похоже – приехали. Из бронека вылезло человек восемь солдат, а из машины на землю сошли пятеро командиров в советской форме. Четверо были перебинтованы в разных местах. У кого голова, у кого рука, у кого плечо. Из кабины грузовика прыгнул немецкий офицер и, подойдя к нашим, провел их в дом. Возле крыльца встал часовой, а остальные занялись как раз тем, что постоянно показывали в хрониках. Вопросов типа «курка, млеко, яйко», я отсюда не слышал, зато было хорошо видно, как фрицы воодушевленно гонятся за домашней живностью. Потом, добыв поросенка, его моментально зарезали, и двое, видно, наиболее подготовленных в поварском деле, начали колдовать над невинно убиенной тушкой. Глядя на это веселье, я предложил план, а Серега, покрутив головой, добавил свои коррективы и согласился.

* * *

Порося пах офигительно. Да и на вкус был очень даже очень. Мы расположились в кузове БТР, с аппетитом уплетая эту вкуснятину. Эх, фриц, лучше б ты в шеф-повары пошел, а не в солдаты. Хотя, может, он и был на гражданке поваром. Вот им бы и оставался... наших командиров отбили на удивление легко. Двоих немцев сняли в курятнике. Любители сырых яиц даже не пикнули. Потом я броском ножа ликвидировал часового возле двери, а Сергей тремя длинными очередями ухлопал остальных, которые сгрудились под навесом возле божественно пахнущего поросенка. Пока он стрелял, я перекатом вкатился в комнату и прямым в челюсть успокоил немецкого офицера. Выглянув в окно и увидев, что Серега свое дело сделал, пригласил всех наших на выход. Пока они выходили, обыскал офицера. Забрал пистолет, документы, а в полевой сумке нашел пачку удостоверений. Как позже выяснилось, это были ксивы пленных командиров. Серега еще помогал им влезть в БТР, я уж смел все со стола вместе с брезентом, на котором был сервирован ужин, и сунул это в кузов. Убедившись, что все упаковались в бронированный гроб на гусеницах, прыгнул за руль и покатил отсюда подальше. Пока проезжали деревню, ни одного человека не видел. Только пару раз в окнах мелькнули белые пятна лиц.

Конечно, дураков нет – под пули лезть. Но этим деревенским придется солоно. За то, что мы устроили, с них теперь спросится. Хотя, честно говоря, не помню, немцы сразу зверствовать начали или им время на раскачку надо было? Но все равно, этих селян было жалко. А дальше случилась неприятная история. Когда, отъехав километров на десять, остановился, все еще было хорошо. Пока ехали, Серега, сидя в кузове, уж не знаю чем развлекал командиров. И тут я влез в теплую компанию. Так скажем, со своим рылом – в калашный ряд. Согласен – несколько погорячился и нарушил правила субординации. Просто жрать очень хотелось, а запахи, доносящиеся сзади, до иступления доводили. Перед глазами не дорога была, а только нежно-золотистая корочка на хорошо прожаренном боку. Поэтому, рассчитывая познакомиться со спасенными в процессе ужина, только заглушив движок, метнулся к кузову и распахнул брезент со снедью. Несколько секунд молча оглядывал открывшееся великолепие, а потом, сглотив слюну, предложил:

– Ну что, товарищи – налетай!

И тут один из них, тот, который вообще не раненый, вдруг делает красную морду и начинает орать:

– Боец, ты что себе позволяешь! Как смеешь в таком тоне разговаривать со старшим комсоставом! Тут дивизионный комиссар присутствует! И что у тебя за форма одежды?!

Ого! А я уже и забыл, какие фрунты у нас в армии встречаются. Последнее время все больше с вменяемыми людьми дела имел. А тут этот гусь. Ну, сейчас я тебе разъясню, кто тут подчиненный и как надо с людьми разговаривать. Но разъяснить не успел. Пожилой мужик, лет пятидесяти, с большими звездами на рукавах и орденом Красного Знамени на кителе, тихо, но жестко сказал:

– Подполковник, немедленно прекратить!

И уже обращаясь ко мне, добавил:

– Вы нас извините. Сами понимаете, после той ситуации, в которой мы побывали, срывы неизбежны.

Пожав плечами, ответил:

– Бывает. Вы меня тоже извините, не заметил, что случилось

Даже неудобно стало. Извиняется мужик, который вовсе не при делах, за какого-то мудака, что является его подчиненным. А может, даже и не является. Разбираться с наглым подполком расхотелось, тем более что мне вдруг стала понятна причина его ярости.

А случилось то, что к моему виду революционного матроса добавился яркий штрих. И где так штаны порвать умудрился, не знаю. Сзади висел большой лоскут, и я вовсю сверкал пятой точкой. То-то чувствую, как-то поддувать с тылу начало. Опять полез на место водителя. Где же я это видел? Ага, вот. Под вторым сиденьем был сменный комбез немецкого водилы. Почти чистый. Отойдя за кусты, переделся, выкинув не только драные джинсы, но и проплевшую футболку. Комбез был большеват и от него несло не смазкой, как можно было ожидать, а хлоркой. Опять подошел к кузову. Напряжение уже спало, и все начали знакомиться. Пожилой оказался тем самым дивизионным комиссаром, которым меня подполковник пугал. Он протянул руку, представляясь:

– Степанов Андрей Яковлевич.

– Илья, м-м-м... просто Илья. – Я тоже представился, чувствуя себя глупо.

Хорошо, вмешался Серега:

– Я вам потом объясню, товарищ дивизионный комиссар!

Тот кивнул, с недоумением глядя на меня, и общее знакомство продолжилось. Серега оказался целым майором по фамилии Гусев. Надо же, почти угадал с его званием. Остальные были полковниками и одним говнистым подполковником, с которым я сцепился. Он носил олигархическую фамилию Ходорковский.

Поели. Предложили даже откусать жавшемуся к борту немецкому офицеру, которого прихватили с собой. Но он отказался, видимо, посчитав за издевательство. Конечно – челюсть у него минимум в двух местах была сломана. Потом, пока я дозаправлял броневики из канистры, краем глаза видел, как Гусев что-то рассказывает дивизионному, а тот удивленно качает головой, одобрительно поглядывая в мою сторону. Пока возился с заправкой, объедки ужина были выброшены, и мы уже в сумерках поехали на восток. Предварительно, правда, Гусев, бросив на землю штук десять мешков, предложил наполнить их землей и песком.

– Это корыто пулемет чуть не насквозь пробивает! – пояснил он свою просьбу.

А я-то думал, на фиго он мешки со двора захватил, не картошку же собирать?

По пути спросил Сергея, что такое дивизионный комиссар. Он покачал головой и сказал, что это типа армейского генерал-лейтенанта. А Степанов, еще и член военного совета. Ну конечно, круче яиц, выше звезд. Немцы, наверное, уписались от восторга, когда такого чина живьем захватить получилось. М-да... Это мы удачно встретились. И мужик он вроде неплохой. Борзого подпола резко на место поставил. Так что сегодняшнее знакомство очень даже на пользу будет. Весь в радужных мыслях, я давил на газ, выжимая из неповоротливой колываги все, на что она была способна. В узких полосках света из маскировочных фар проносились придорожные кусты. Один раз выскочил заяц и, пробежав метров триста перед нами, спрыгнул с дороги. Ехали мы так, ехали, и приехали. Почти всю ночь гнал, выбирая проселки. Устал как черт. У этого тарантаса ни о каком гидроприводе руля и речи быть не могло. Плечи и руки ломило. Один раз меня подменил Серега, но скорость тут же упала с моих сорока до жалких двадцати километров в час. Поэтому, отдохнув с полчаса, я опять сел за руль. А в утренних уже сумерках не разглядел немецкого поста. До этого как-то везло, и нам никто не попадался. А тут вылезло мурло, сразу напомнившее гаишника, и начало мне махать палочкой. Я, прибавив газу, попробовал его задавить (давно о таком мечтал). Смысла нам останавливаться не было. Машина в угоне, техпаспорта нет и водитель, то есть я, без прав. Сразу штраф, со смертным приговором. Но это все хохмочки. А вот если серьезно, за нами сразу рвануло три мотоцикла. Гусев, перетащив пулемет на задний борт, пробовал их отстрелить, но получалось плохо. БТР скакал козлом и прицелиться было невозможно. Потом сбоку показалась какая-то техника, стоящая в поле, и оттуда к погоне присоединились еще два гонщика и, что самое хреновое – БТР. С обочины какие-то дикие фрицы стреляли в нас, пытаясь попасть в стекло водителя. И попадали. Выбили сначала правое окно и почти тут же мое. Закрывать защиту было поздно, да и не разглядел бы я ни шиша в смотровую щель на такой скорости. Тут меня в первый раз ранило. В плечо как кувалдой влупили. Чуть руль не бросил. Рука сразу онемела, пришлось рулить одной правой. Ититская сила! Так я долго не протяну. Потом прилетело еще раз. Теперь попало слева в голову. Попало чирком, но я начал уплывать. Где же эта линия фронта?! По моим расчетам, мы должны были ее пересечь еще с полчаса назад. Или наши опять отошли? Ну тогда все, сливай воду, приехали. И ведь вообще сплошной линии фронта может и не быть. Сейчас там, где когда-то будет эта линия, все вперемешку – наши, немцы. Потом, чувствуя, что вырубаясь, успел только сказать сидящему рядом полковнику:

– Руль держи!

И все...

Глава 4

...Плыву куда-то. Качает. Что-то не так получается, как эти долбанные зеленые человечки говорили. К себе обратно не попал. Или просто еще не помер? Тут очень издалека донеслись голоса:

– Осторожнее, осторожнее с ним! Это очень важный раненый!

И голос чуть тише:

– Мы в курсе. Сам член военного совета им интересовался.

Ага. Похоже, план внедрения постепенно начал осуществляться. На этой мысли я опять потерял сознание.

Очухался на кровати. Хорошо, мягко. Потолок белый, простыни чистые. Рука с плечом замотаны бинтами. Башка тоже. Голова обвязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве... а-а-а, не фиг первым в драку лезть! Вспомнив эту детскую кричалку, ухмыльнулся. Прямо про меня. Немного поерзав, попытался понять, что за дискомфорт мешает наслаждаться жизнью. Сел на кровати, покрутил головой – не болит. Попробовал напяречь привязанную раненую руку – не болит. Осторожно потыкал себя пальцем в замотанное плечо – не больно! Это что ж получается? Или я тут уже минимум недели две без сознания валяюсь, или на мне все как на собаке заживает. Ладно, разберемся. Сейчас о насущном, ибо понял смысл дискомфорта. В туалет уже припирает и очень сильно. Встал, огляделся – ага, вот они тапочки. Открыл дверь и вышел в коридор. По нему бродили люди в коричневых халатах. Воняло больницей. Возле окна, в конце коридора, человек пять курило. Похоже, мне туда. Двинул в сторону курящих и не ошибся – туалет был там. На меня поглядывали, так как в отличие от халатноносцев я был в одних солдатских кальсонах, но ничего не говорили. Вернулся обратно и опять сел на кровать. Тут распахнулась дверь – и в комнату влетело что-то мелкое, в веснушках и белом халате. Медсестра, увидев, что ранбольной встал, всплеснула руками и завопила в коридор:

– Зинаида Пална! Зинаида Пална! Он очнулся!

Потом, подбежав ближе, попыталась уложить на кровать. Не преуспела. Я уже належаюсь. Тогда она начала тарыхтеть, уже не трогая меня руками:

– Ой! А вас привезли, а у вас сложное ранение плеча! А Семен Лазаревич так хорошо все сделал! Он наш лучший хирург! А вы целых два дня спали, а Семен Лазаревич сказал вас не будить, что сон лучшее лекарство. И уколы я вам во сне делала.

Слова из этой кнопки вылетали со скоростью пулеметной очереди. В этот момент в дверях появилась женщина. Видно, та самая Зинаида Пална. Тоже в белом халате поверх формы. Подошла к койке и сказала, улыбнувшись:

– Ну здравствуйте, раненый!

После чего под села рядом и оттянула мне веко. Я на всякий случай открыл рот и, высунув язык, сказал «а-а-а». Врачиха машинально заглянула туда, но потом хихикнула, сказав, что это не требуется. Потом, поинтересовавшись общим самочувствием, заставила меня смотреть за молоточком, водя его перед глазами. После этого повели на перевязку. Вот тут у них началась суэта. Размотали сначала голову и начали цокать языками. Башку щупали и крутили, повторяя:

– Удивительно, удивительно.

А размотав плечо, сразу позвали Сигизмунда Лазаревича, то есть тьфу! Семена Лазаревича. Им оказался шустрый доктор в очках, похожий на Айболита. Он тоже долго мял плечо, бормоча уже надоевшее:

– Удивительно.

А я и сам удивлялся. Что творилось на голове, не видел, но вот на плече дырки не было, был только шрам, причем как минимум годичной давности. Молодцы, зеленые человечки! Вот так тело соорудили! На мне теперь не то что как на собаке все заживает, а гораздо быстрее. То-

то, шарахаясь по лесам, обратил внимание, что царапины уже на следующий день исчезают. И комары меня не трогали. Но тогда особенно над этим не задумывался. А сейчас – вона как получается! Оханье докторов несколько охладила пожилая медсестра, протиравшая какие-то медицинские железки. Она сказала, что в двадцатых годах у них мужику пилой вообще два пальца отхватило, а он их позже вырастил. Потом хирурга позвали к раненому, и он убежал, а я был отведен в свою персональную палату. Руку с головой, правда, на всякий случай опять замотали. Зачем, я так и не понял, но не сопротивлялся. А к обеду ко мне пришли. Сначала появился Гусев с незнакомым полковником. Они поздоровались, причем у Сереги был вид довольный и таинственный. Он, выложив на тумбочку три яблока и пачку папирос, отвалил на задний план. Полковник же, сев на табуретку рядом со мной, сначала поинтересовался здоровьем, а потом начал пытаться на предмет просветления памяти. Причем пытал долго и изобретательно...

– Ты постарайся вспомнить, может, лица, может, места. Ну, что-нибудь. Может, город или площадь какую? Фонтан там какой-нибудь особенный или, может, море вспомнишь? Хоть малейшую зацепку дай, чтобы выяснить, кто ты!

Я отрицательно мотал головой на его вопросы, а на последнее предложение хмыкнул и выдал:

– Шпион я немецкий. Вон, Гусеву уже говорил.

Полковник резко наклонился ко мне и, зло хлопнув себя рукой по колену, отдельно сказал:

– Никому. Никогда. Так больше не говори. Хватит! Да если б майор за тебя горой не встал, расписывая твои подвиги и похождения, еще неизвестно, как бы все получилось! Он же как клещ в тебя вцепился. А я Гусеву верю. Умеет он в людях разбираться.

И уже остыв, откинувшись назад, добавил:

– Знал бы ты, Илья, перед КЕМ за тебя поручиться пришлось. До сих пор удивляюсь, как вообще «добро» дали...

Потом поспрашивал меня еще немного и ушел. Но, как и Карлсон, обещал вернуться. Гусев, задержавшись на минуту, похлопал по незабинтованному плечу и сказал, что все теперь будет хорошо. И что в дальнейшем будем работать вместе. Он меня, мол, никому не отдаст.

А затем пришел невзрачный старлей с фотографом. Они поздоровались, после чего на меня напялили гимнастерку, и фотограф, сделав портретный снимок, моментально смылся. Старлей же, представившись следователем особого отдела, ведущим мое дело, достал тетрадь и, расположившись возле тумбочки на табурете, стал задавать вопросы. Почти сразу все застопорилось. Буквально с Ф.И.О. Уже на это я не ответил. Но старшой не унывал, а продолжал копать дальше с мощью экскаватора. Вот он, будь я шпионом, меня точно бы расколол. Это даже не Гусев со своими хитрыми вопросиками. Это зубр настоящий. Но и на этот раз меня спасло незнание реалий. Полным дауном, конечно, не прикидывался, а мои ответы, похоже, хорошо вписывались в общую картину человека, потерявшего память. То есть, например, кто является руководителем Советского Союза, я ответил. А вот на вопрос, кто сейчас партийный руководитель Белоруссии, пожал плечами. Так же пожимал на вопрос о фамилии командующего немецкими войсками на нашем направлении и его начальнике штаба. Следователь спрашивал, названия каких городов и стран мне знакомы. Какие языки знаю. Позадавал вопросы на разных языках. После каждого вопроса внимательно смотрел и слушал, что отвечаю. Ну и в том же духе. Мурыжил часа два. Похоже, сам устал. В конце я, уже задолбавшись отвечать, спросил:

– Ну что скажете, товарищ старший лейтенант. Кто я? Шпион?

– На шпиона вы мало походите. Скорее, диверсант.

Старлей улыбнулся одними губами и продолжил:

– И слишком уж ненадежен способ внедрения. Я склонен, скорее, думать, что вы советский командир, возможно, из осназа. Очень у вас подготовка специфическая. Поэтому и думаю, что командир, для бойца вы чересчур резвый. Да и возраст... Но мы вышлем ваше фото в архивы и постараемся все выяснить. Так что, счастливо оставаться.

Он встал, поправил ремень и, пообещав еще встретиться, вышел. А я откинулся на подушку, переводя дыхание.

Вечером опять пришли Гусев с полковником. На этот раз с ними была мощная Зинаида Пална и Айболит. Меня опять размотали, и доктор, тыча пальцем, быстро говорил:

– Вот видите? Видите? А ведь была сложная операция! Пуля кость задела! Я же ему полплеча разворотил! А сейчас?!

Покосившись на плечо, я обнаружил, что шрам стал еще более бледным. Да что там более бледным. Его почти не видно было! Семен Лазаревич тем временем, подпрыгивая, продолжал:

– Если бы не я сам все делал, не поверил бы, что этот человек позавчера лежал у меня на столе! Но какая потрясающая скорость регенерации!

Доктор закатывал глаза и, причмокивая, щупал меня. Стало щекотно. Полковник выглядел несколько растерянным.

– Так он раненый или здоровый?

– Мы еще возьмем анализы, но сейчас могу сказать, что он практически здоров! А ведь предварительные обследования не показали никаких отклонений от нормы. Все было в порядке – большое количество лейкоцитов, но это соответствовало картине ранения и еще..

Тут доктор перешел на латынь, изредка разбавленную русскими словами, и я перестал его понимать. Наконец он выдохся, добавив:

– У меня были случаи быстрого заживления, но такого я еще не встречал.

Тут вступила молчавшая Зинаида Пална:

– А тетя Дуся рассказывала, что видела человека, который себе вообще потерянные пальцы смог отрастить.

Айболит, вскинув мушкетерскую бородку, тут же возразил, что в справочниках этот случай не отражен и документального подтверждения нет. Потом, видя растерянность врачихи, добавил, что всякое случается и многое наука объяснить не может. Полковник же, вычленив для себя главное, сказал:

– Если он здоров, то сегодня берите ваши анализы, а завтра мы его забираем!

И уже обращаясь ко мне, спросил:

– Плечо, голова не болит?

– Да уже с утра ничего не болит, как проснулся.

Он непонятно хмыкнул и, еще раз пообещав завтра с утра забрать, ушел вместе с Гусевым. А меня уложили на койку и начали тыкать иглками. Потом стучали молотком. Потом занимался приседаниями и мне мерили давление. Потом, потом, потом... Я уже стал выдыхаться – и тут наконец от меня отстали.

Наутро нарисовался Гусев. Радостный, как три рубля нашел. Он хлопнул на кровать пакет с формой и велел одеваться. Шедший за ним боец поставил сапоги возле кровати и удалился. Разорвав бечевку, я прикинул робу на себя. Вроде подходит. Гусев, видя мои сомнения, уверил, что будет в самый раз. Надел на себя. Действительно, все впору. Гимнастерка была без петлиц. На пилотке шел малиновый кант, но особенно меня вырубил галифе синего цвета. Это что, для маскировки? В траве меньше видно? Или чтоб в толпе гомиков не выделяться? Но я оставил сомнения при себе, что поделать, если сейчас такая форма одежды существует, и, намотав портянки, надел сапоги. Затянул ремень, собирая складки сзади. Гусев одобритительно кивнул и жестом предложил выдвигаться. Сам, кстати, в фуражке рассекает. А мне пилотку подсунул. Правда, фура у него тоже – с околышком малиновым. Это ж какой род войск? Явно не летчики – у тех синий. И тут я вспомнил! Следак, что меня допрашивал, в такой же фуражке был.

Получается, что Гусев, ну и я теперь, соответственно, из НКВД. Пока соображал, мы вышли из госпиталя и сели в машину. До места ехали почти час, в эмке с крохотными стеклами. Блин, обзор был только чуть лучше, чем в немецком БТРе. Когда прикатили, Серега начал показывать свое хозяйство. Хозяйство было крохотным и располагалось в двух маленьких домиках. В одном обитались радисты и полковник с Гусевым. В другом – водители и бойцы охраны. Гусев сказал, что жить буду в его домике – койку для меня уже поставили. Так как полковник куда-то укатил, мы прошлись по поселку. В нем было десятка четыре домов и помимо нас располагались саперы и банно-прачечный отряд. Но они располагались в здании школы. Я, как о банных прачках узнал, тут же воспылал. Майор же моментом охладил мою прыть, сказав, что все бойцы в нем мужского полу. Облом-с. Потом пообедали, и тут вернулся полковник. Серега мне еще раньше сказал, что звать его Колычев Иван Петрович, а вот чем они занимаются, так и не ответил, конспиратор хренов. Дескать, полковник все сам расскажет. Вот полковник и начал рассказывать. Точнее, опять спрашивать. Для начала, оглядев затянутую ремнями фигуру, он сказал, что теперь я на человека стал похож. После чего приказал следовать за ним. Расположившись в комнате по соседству с радистами, Иван Петрович начал:

– Вот тебе документ на первое время, пока личность твою не выясним.

И протянул книжечку, в которой говорилось, что Найденов Илья Иванович является вольнонаемным сотрудником НКВД. Классные тогда документы были – даже без фотографии! Только вот, что за импровизации с фамилией? Я так и спросил.

– А чего ты хотел? Гусев тебя нашел, вот пока с такой фамилией и походишь. До выяснения. Хотя все может оказаться хуже, чем ожидалось. Централизованный архив в Москве только начали собирать. Многие из округов туда даже копии личных дел еще не отправляли. К примеру, если ты был приписан к Западному особому военному округу, то там при эвакуации многие документы просто уничтожали. Так же и с ПриБВО. Так что живи пока Найденовым.

А в основном он беседовал на предмет выяснения моих способностей. Очень его интересовал способ минирования гранатами. Вот и хотел узнать, что еще такого интересного я могу.

– Ну... знаю, как из двух гранат хитрую растяжку делать. Если на ней проволоку просто перерезать, то она все равно ухнет. Еще как из гранаты и стакана ловушку соорудить. Как при помощи дощечки с зарубками ночью из пулемета стрелять по целям. Как машину с помощью прищепки и сахара заминировать, чтоб не сразу взорвалась, а только через некоторое время. Да, наверное, много интересного могу, только не помню.

Пока я рассказывал, полковник кивал, а потом потребовал все это показать. Вышли во двор, и я показал.

– Ведь элементарные вещи! А я про такое даже не слышал! Тебе фамилию Хитров надо было вписать или Лисов.

Я аж подпрыгнул и сказал, что Лисов мне нравится гораздо больше, чем Найденов. Полковник посмеялся и пообещал, если пройду испытательный срок, выписать документы на Лисова. Мы пошли обратно в дом, а я все не мог успокоиться. Надо же! Знатоки человек. Даже фамилию со второго раза угадать умудрились! М-да... Иван Петрович явно заслуживает уважения своей проницательностью.

Опять расселись за столом. Наконец Колычев начал говорить, чем будем заниматься.

– Немцы практически вышли к Днепру, появилась опасность окружения. За нами Могилев, и там сосредоточена большая группа наших войск. Но у противника очень много танков. В вашу задачу будет входить уничтожение всех более или менее крупных мостов, по которым они могут подтянуть эти танки для захвата города... Зараза! А в сводках говорят, что танки у немцев деревянные! По ним бы эти деревянные прошли!

Иван Петрович в раздражении отдернул гимнастерку и продолжил:

– Также, если получится, по возможности уничтожить их рембазы. Разумеется, действовать будет не одна ваша группа. А нашу зону ответственности покажу позже.

Полковник передохнул и, повернувшись к Гусеву, сказал:

– Понимаю, делом ты будешь заниматься не совсем по профилю. Когда сюда ехали, задача стояла совершенно другая. Но обстановка – сам видишь. Из-за этого возможного окружения каждый спец на счету.

Сергей кивнул. Я, чтоб не молчать, с умным видом спросил:

– А немецкие колонны атаковать не надо?

Командир весело посмотрел на меня и хмыкнул:

– А чего их атаковать? Потерь больших не нанесете, тем более если танковой колонне, а вашу группу засекут и уничтожат.

Тут влез Гусев:

– Сколько человек будет в группе?

– Шесть-восемь бойцов. Рацию в этот раз не дам. Пойдете дня на три. Ну и разнюхаете заодно, что там к чему.

Тут опять я взял слово. Уж если так лопухнулся с колоннами, надо было спасать авторитет.

– Да и танковую колонну можно хорошо прищучить. Людей вот только мало. Много ракет не утащим.

Полковник вопросительно поднял брови, и я продолжил:

– Если взять РС самолетные и расставить, замаскировав вдоль дороги, метрах в тридцати-сорока, то они очень хорошо танки проредят. Рассеивание на таком расстоянии можно и не учитывать. Направляющими к ним положить листы шифера. И запускать по проводу, изда-лека.

Иван Петрович расцвел в улыбке. От избытка чувств он даже хлопнул кулаком по столу.

– Вот! А говоришь, больше ничего интересного не помнишь! Для вас это, конечно, не пойдет, а вот в войска твою идею передам сегодня же. РС у нас хватает, вот только авиации практически нет.

Он на секунду помрачнел, но после сначала стиснул мне плечи и потом, отступив на шаг, сказал:

– От имени командования объявляю вам благодарность!

Я чуть было не ляпнул: «Служу России!», но вовремя поймал себя за язык:

– Служу трудовому народу!

Полковник, окинув одобрительным взглядом, сказал Гусеву:

– Вот! Память потерял, а как отвечать, на уровне инстинктов вбито! Сразу видно – наш человек. Ну, давайте, собирайтесь. Завтра вечером выходите. И еще, Гусев, все эти взрывы мостов – задача попутная. А в основном ты мне узнай, какие силы у немцев здесь и здесь сосредотачиваются.

Он ткнул пальцем в точки на карте.

– А то армейцы, если и притащат кого, так это максимум фельдфебеля, который только о своей роте и может сказать.

– Товарищ полковник! Так мне что, майоров с полковниками искать? И где я их ловить буду?

Гусев соорудил жалобную морду, но на Колычева это не подействовало.

– Да хоть генералов! Я не обижусь. С тобой вон Илья идет. А он везунчик. Самого члена военного совета у немцев отбить умудрился.

И уже глядя в окно, добавил вполголоса:

– А везенье нам сейчас ох как нужно...

* * *

Я опять топал по лесу не один. Впереди сопит Гусев с проводником, за ним трое бойцов, из Могилевского полка НКВД, груженные, как кони. И все это шествие замыкала моя персона, тоже не налегке. На всех были навьючены мешки со взрывчаткой, как будто мы рейхсканцелярию будем на воздух поднимать. По мне, чем столько тащить, проще на месте найти или у фрицев позаимствовать. Они в эйфории сейчас пребывают, и их пощипать сам Бог велел. Еще автомат этот... ППШ был неудобен, как чирей в носу. Я-то привык к АКСу. Легкий, компактный, неприхотливый! Стрелять из него – одно удовольствие. Одной рукой за пистолетную рукоятку, другой за цевье, и поливай вволю! А здесь... За шейку приклада и за что еще?! Диск круглый, снизу держать неудобно – руку выворачивает. Сбоку же просто не удержать – выскальзывает. А перезарядка этого диска вообще песня! Поэтому я шел и бормотал послание Калашникову:

– Уважаемый Михаил Тимофеевич! Изобретите ваше чудо-оружие побыстрее. Просто мочи нет уже валандаться с этой финской недоделкой. Чухонцы точно свой «Суоми» нам как провокацию подбросили, а Шпагин и рад стараться. Вы уж, деда Миша, не оставьте нас заботами своими.

Хотя какой он деда. Молодой пацан, который, возможно, недалеко от меня воюет. И сама идея создания оружия ему еще в голову не приходила. Тут я даже с шага сбился. А для чего, собственно, ждать сорок седьмого года? Все схемы и чертежи «калаша» я и сам отлично помню. Надо будет только обдумать, как их преподнести. Не сейчас конечно, попозже, когда патрон промежуточный изобретут. А изобретут его только в сорок третьем. М-да. Загвоздка. Но ничего, выкрутимся – главное идея!

Вообще, наш выход начался с интересного случая. Сидя за столом и набивая диск патронами, я машинально, под настроение, напевал под нос:

Мы выходим на рассвете,
над пустыней свищет ветер
И уносит нашу песню до небес.
Только пыль под сапогами,
с нами Бог и с нами знамя
И тяжелый карабин наперевес.

Тут Гусев наострил уши и заинтересовался, что это я пою. Пожав плечами, на всякий случай отмазался – мол, не знаю. Серега же, подняв палец, сказал, что это Киплинг.

– Еврей?

– Почему еврей?

Майор даже обиделся:

– Англичанин. Но стихи у него отличные есть. Только, что песни на эти стихи существуют, я не знал. И мелодия хорошая. Боевая такая.

И набивая свой диск, стал мне подпевать. Да уж. Надо поосторожнее с фольклором быть. А то вот так выдам, машинально что-то типа: «Товарищ Сталин, вы большой ученый...»

И далее по тексту. Не посмотрят, что контуженый. Моментом законопатят, следуя тому же тексту, в Туруханский край. Хотя мужики эти – что Гусев, что полковник – нормальные, но все равно, поберечься надо. А майор-то высокому не чужд. Киплинга знает. Я даже другими глазами на него смотреть начал. Не так уж он и прост, этот волкодав из НКВД...

Гусев остановился, вскинув руку. Все замерли. Вытянув шею, пытался разглядеть сквозь деревья, что его остановило. Ничего особенного. Он просто увидел подходящий мостик. Тот

был перекинут через овраг, на дне которого бежала речушка. Я бы на него и не глянул, но потом, прикинув, что и как, мысленно одобрил майора. Овраг этот был длиннющий, как противотанковый ров. Рванув это сооружение, мы заставим немцев искать обходные пути или ладить новую переправу. Всяко-разно время они потеряют. После было еще два таких же моста. А потом, уже под утро, я увидел ЕГО. Немец стоял возле своего мотоцикла и, жуя колбасу, полкруга которой держал в руке, наблюдал, как несколько солдат выталкивают грузовик из большой промоины. На шее у фрица висел предмет моей зависти, еще из прошлой жизни. Не помню, как называется эта штукавина – не то горжетка, не то жоржетка, в общем, здоровенная бляха на толстой цепи. Мой знакомый такую прикупил за сумасшедшие деньги и сильно ею гордился. Никелированная, с фосфорными светящимися вставками, она производила сильное впечатление. А здесь такой же экземпляр на бесхозном фрице. Я подполз к Гусеву и зашептал ему в ухо.....

– Ты что, с ума сошел?

Сергея ошарашенно уставился на меня. Ладно. Попробуем с другой стороны.

– Это ж фельдполицай! Он тут все окрестности пасет. Кто, куда, зачем едет – все знает. Во всяком случае, где находится штаб ближайшего полка, знает наверняка. А может, и дивизии. Мы туда сгоняем и на выбор, хоть майора, хоть полковника умыкнем. То-то Колычев довольный останется. Нам же – не слабо?

Я с надеждой смотрел на майора.

– Так бы сразу и сказал. А то бляха ему, видишь ли, понравилась!

Гусев быстренько расписал всем диспозицию, и мы приготовились. К тому времени машину уже вытолкнули и к любителю колбасы присоединился его коллега, который руководил спасением застрявшего транспорта. Тоже с бляхой! Вот везуха-то покатила! Колбасников взяли быстро и, отойдя на пару километров в сторону, начали их потрошить. Сергей бодро лопотал по-немецки, но фриц начал кочевряжиться. Воротил морду и молчал, с вызовом поглядывая на нас. Выделывался он недолго. Прежде чем майор успел применить спецметоды, я придавил немцу точку на шее. Он заверещал так, что Гусев с переполоху его чуть не прирезал, хорошо, спохватился и просто заткнул рот. Давить пришлось еще два раза, и бляхоносец раскололся. Глядя на меня полными ужаса и слез глазами, он моментом отвечал на вопросы Сергея. Несколько раз, когда просили, показывал что-то на карте. Потом его поменяли на второго фельдполицая. Приданные нам ребята из полка НКВД того уже достаточно разогрели. Даже не зная немецкого, они тоже пробовали его допрашивать, и я периодически слышал буцающие звуки метрах в тридцати от нас. Поэтому, дойдя до понимающего язык человека, немец с облегчением вывалил все, что знал. Майор, покумекав с картой, подозвал остальных:

– Смотрите сюда. Вот город Горки. Тут у немцев штаб 46-го танкового корпуса. До него отсюда километров двадцать. Так что спать сегодня днем не будем. Пойдем вот так и так.

Сергея пальцем прочертил предполагаемый маршрут. Да тут все тридцать пять километров получается! Но зато все по лесам. Нормально выходит. Только вот город... как там немцев отлавливать? Мы, в наших комбезах, среди домов будем как балерины на ипподроме. А кому сейчас легко? Вспомнив этот анекдот, хмыкнул и спросил у проводника:

– Город большой?

– Да одно название, что город. Скорее, деревня большая.

Потом боец по имени Валера кончил немцев, и Гусев, собрав всех, приказал:

– Из мешков все лишнее долой. Оставить по паре килограммов взрывчатки и патроны.

Порядок передвижения – я с Семеном, – он кивнул на проводника, – впереди. Илья замыкающий. За мной, бегом марш!

И мы побежали.

...Лежим, разглядывая в бинокль эту большую деревню. И где тут их гнездо? Немцы шмыгают возбужденными макаками во всех направлениях. Приоритетного выделить не уда-

ется. Ясно только, что в хате штаб стоять не будет. Расположится или в школе, или в здании райсовета. Хотя, по словам Семена, тут еще и фабричная училища есть, с подходящими помещениями. В общем, полные непонятки. Кому-то надо идти смотреть. На разведку, без вариантов, выпало идти проводнику. Он единственный из нас был в гражданке.

– Особенно на рожон не лезь. Посмотришь, где что у них располагается, и назад. С местными поговори – они подскажут. И патрулю смотри не попадись! А то тебя мигом скрутят. Без документов же. Знать такое дело, хоть бы паспорт с собой взял. Да ладно, чего теперь сожалеть!

Я краем уха слушал, как Гусев инструктирует Семена, а сам разглядывал в оптику окрестности. И тут увидел стайку пацанов с удочками, явно топающих к полувыхсохшему пруду, возле которого мы находились.

– Майор! Семена пока придержи. Тут самый надежный источник информации к нам идет.

И протянув бинокль Сереге, показал на рыбаков. Он так обрадовался, как будто букву в лохотроне угадал. Дождавшись подхода пацанов, свистом привлек их внимание. Толпа, побросав удочки, ломанулась в нашу сторону. Для разговора выбрали двоих постарше, отослав малышня к пруду, для маскировки. Щеглы, как обычно, знали все. Штаб был в здании райсовета. Рембат расположился в мастерских депо. Связисты – в помещении бывшего городского радиоузла, что был рядом с райсоветом. Вон там и там стоят постоянные посты. А вон там, там и там – зенитки. Рассказывая, они тыкали пальцами в сторону города, уточняя расположение объектов. Попутно пожаловались на большую конкуренцию со стороны фрицев в бомблении садов и огородов. Как источник информации ребячья была бесценна. Одарив пацанов перочинным ножом и поблагодарив, отправили дальше ловить рыбу. Сами же отошли на пару километров в глубь леса и, выставив наблюдателя, завалились спать. Ночка нам предстояла веселая.

* * *

Луна, сука, светила вовсю. Мы с Гусевым лежали в густом палисаднике возле радиоузла. К штабу было не подлезть. Охраняли его хорошо, и попасться можно было моментом. А вот радиоузел, хоть и был рядом, как-то выпал из поля зрения караульных. Нет, его, конечно, тоже охраняли, но как бы заодно. Переговорили с Серегой и, решив, что начальник связи или его зам знают не меньше начальника штаба корпуса, задумали брать их. Пацанов – энкаведешников с проводником и остатками взрывчатки – отослали к мастерским. В час ночи они там должны будут что-нибудь подорвать. Хоть стенку, лишь бы шум был. И сваливать, не дожидаясь нас. Точку встречи обговорили и, разделившись, пошли на дело. До взрыва оставалось меньше часа, и мы теперь ломали голову, как выяснить, где спит местный фюрер связи. Понятно, что в самом узле, но вот где именно? Тут из задней двери на освещенное крыльцо вышел толстый фриц, держа в одной руке щетку, а в другой – китель на плечиках. Пристроив вешалку на ветку, жиробас, насвистывая, начал охаживать китель щеткой.

– Серега! Это денщик! Китель офицерский, а чистит рядовой. Он-то точно знает, где его хозяин спит.

Гусев согласился, но резонно возразил, что немца из-под лампочки брать стремно – караульный увидит. А если часового снимать, то офицера взять не успеем. Тревога раньше поднимется. Так и лежали, пока толстый, закончив свою работу, не зашел в здание. Вот гадство! И тут на втором этаже, в угловом окне, я заметил отсвет фонарика. Сначала не обратил на это внимание. Но потом в башке что-то как щелкнуло. Так-так. Получается, что упитанный подлиза поднялся на второй этаж и, не включая свет, чтобы не разбудить любимого хозяина, подсвечивая фонариком, повесил мундир. Потом свалил к себе. Вряд ли они с начальником в одной комнате живут. И по времени подходит. Как раз столько надо, чтобы не торопясь подняться и дойти до этой комнаты. Да, блин! Все равно не проверишь и деваться нам некуда,

так что будем считать – угадал верно. Я пихнул в бок Серегу и зашептал ему свои наблюдения. Он поморщил нос, пошевелил бровями и тоже решил считать выводы верными. Только отсюда забраться не получится. Луна, как прожектор, освещала всю стену. А вот с торца – темно. И дерево очень подходящее присутствует. Ну я, как более легкий, на это дерево и взлетел. В густой кроне меня и черт не разглядит, тем более – часовой. Теперь с ветки на балкон. Дверь балкончика, по случаю жары, гостеприимно распахнута. Уже одной проблемой меньше. В комнату через окна попадало достаточно лунного света, поэтому сразу увидел объект поисков. Фриц тихо сопел в люле, и я сначала на ощупь проверил погоны у кителя, висевшего на вешалке. Биомать! Погон был без ромбиков, и по спине пробежал холодок. Что за херня, ну не рядовой же здесь дрыхнет? В отдельных апартаментах. Потом, поняв, что погон витой, успокоился. Майор. Очень даже соответствующее звание для начальника связи корпуса. Подойдя к кровати, ударом по кумполу провалил майора еще дальше в сон. Потом, помня наши мучения с Корпом из Гамбурга, начал его одевать. Напялил мундир, галифе... А за грязные носки, гадский папа, с тебя отдельно спрошу. Чистые, скорее всего, тоже где-то были, но я не знал, где. Поэтому брезгливо натянул ему на ноги воняющие «сырки», валяющиеся под стулом. Теперь сапоги. Ну, вроде все. Еще раз проскочил по комнате. Чисто, можно уходить. До взрыва оставалось семь минут. Чуть высунув фейс с балкона, я прищелкнул языком, давая Гусеву знак, что готов. Теперь в темпе! Сделав из простыней жгут, обвязал тело под мышками и выволок к балконной двери. За минуту до взрыва Серега валит ближнего часового и цепляет под балконом тушку немца. Ждем... ждем... Время! Подхватив майора, перевалил его через перила. Перебирая простынный жгут, почувствовал, что немца внизу приняли. Потом скользнул вниз сам. Прыгать не хотелось – вполне можно было ногу свернуть. Тут потолки – не то что в хрущобах. Метра четыре с половиной в высоту. Гусев уже загрузился фрицем и стоял наготове. И тут бумкнуло! На западной стороне поднялось зарево. Вокруг начали просыпаться те, кто спал. А те, кто не спал, в частности часовые, развернули морды в сторону начинающегося пожара. Вот пока они клювом щелкали, за их спинами и проскочили до ближайших домов. А потом, как говорил поп из анекдота, огородами, огородами, смылись в противоположную от зарева сторону.

К месту randevу мы опоздали. По договору должны были ждать друг друга ровно час, после чего выбираться к своим. Такой срок был назначен на случай поимки одной из групп немцами. В том, что они и мертвого разговорят, никто не сомневался, поэтому так жестко себя ограничили в сроках. А нас связист сильно сдерживал. Сначала долго в отключке был. Потом выдывался, не желая идти. После, конечно, рванул как миленький, но время мы потеряли. Шли всю ночь и часть утра. Фрицев в округе было на удивление мало. Гусев предположил, что им удалось форсировать Днепр и они вышли на оперативный простор. Вот их здесь и поубавилось.

К нашим мы выскочили на участке 747-го стрелкового полка. Его особисты быстренько связались с кем надо, и уже через час за нами пришла машина. По приезде домой Колычев забрал немца и укатил с ним. А мы завалились спать, предварительно выяснив, что наши ребята пришли еще ночью.

Спал как убитый, так как умотался за эти дни до невозможности. Пробуждение было хреновым. Проснулся оттого, что кровать подпрыгивала от дальних разрывов. Быстро оделись и рванули выяснять, кто там буянит. Оказывается, немцы бомбили расположение полка, стоявшего недалеко. А полковник объяснил, что вообще происходит. Оказывается, мы в глубокой жопе. То есть уже в тылу у немецких войск. Они действительно форсировали Днепр и теперь уже, на востоке от нас, развивали успех. По словам Ивана Петровича, наша оборона строилась, исходя из большой заболоченности этих мест. А тут, как в «Маугли» – грянула великая сушь. И все эти болотца и озера пересохла. Вот фрицы по ним и прошли, как по бульвару, минуя наши войска и очаги обороны, которые как дураки ждали их на разных сухих пригорках и

дорогах. Блин! Вообще с мозгами не дружат! Сначала наши генералы прощелкивают изменения обстановки, а бойцам приходится вручную изменять ландшафты, для того чтобы противник запутался. Потом вообще ложиться навечно в эти самые ландшафты из-за тупорылости командования. Меня всегда удивляло, откуда у нас столько мудаков в генералитете? Их ведь как специально выращивают. Во время войны, когда страна действительно находится в опасности, наверх, в результате естественного отбора, постепенно пробиваются по-настоящему грамотные и соображающие командиры. А вот в мирное время... Всех грамотных запикивают в глубокую дупу, и их места занимают толпы балбесов. И так до следующей войны, когда они, положив сотни тысяч солдат, опять уступают место толковым людям. И ведь от социального строя это не зависит!. Что при царях так было, что при Союзе. Да и теперь, когда от империи осталась только РФ, все обстоит так же. Может, дело в менталитете? Или в консервативности что-то поменять надо? Не знаю. Только вот не надо говорить про тридцать седьмой год и отстрел гениальных военачальников. Из мастеров своего дела там был только Фрунзе, который вообще раньше тридцать седьмого года помер. Ну, может быть, еще парочка соображающих. Остальные были как на подбор. Тот же Тухачевский – умудрился угробить миллионную армию в какой-то Польше. Там столько пленных было, что brave польские жолнежи еще несколько лет тренировались в рубке лозы на военнопленных Красной Армии. За что потом, кстати, и заполучили Катынь.

Так что у нас сейчас задача была не разведка (разведывать было уже нечего), а диверсии в ближнем тылу немцев и вообще помощь в обороне города. До того времени, пока не подойдут наши (что вряд ли) или до получения приказа об отходе. И мы с Серегой начали резвиться. Нам придавали то ополченцев, то ребят из полка НКВД, то разведчиков. Вместе с ними подрывали танки на ночных стоянках. Один раз даже угнали целенький Pz.III. Жгли машины с горючкой. Устраивали шорох среди немцев ночными обстрелами с тылу. Потом я как-то показал нашей пехоте, как можно рвать наступающие танки миной на веревочке. Просто, но каков эффект! Подтягиваешь мину под гусанку танка – и амба бронетехнике. Вообще, обороняли город яростно. Пацаны дрались, как в последний раз. Уж не знаю, откуда в городе взялось столько жидкости КС, но бутылками с ней забрасывали все, что шевелится и ездит. Вовсю использовали мой способ запуска реактивных снарядов с листов шифера. Позже к ним начали делать самопальные станки-направляющие и в упор били по бортам танков. Я не высипался страшно. Каждую свободную минуту чертил детали к АК-47 и на всякий случай, что мог вспомнить, к ППС. Если меня ухлопают – это должно обязательно попасть к нашим. Показывая Гусеву стопку чертежей, ему крепко-накрепко это вдолбил. Он очень интересовался, что это, но я ответил:

– Вот как меня убьют – узнаешь! А сейчас отстань.

– Да типун тебе на язык, придурок!

Гусев тогда сильно на меня обиделся. И даже не столько, что ему чертежи не дали посмотреть, а оказывается, о смерти говорить – примета плохая. А он ко мне уже привязался. За боевого брата держал. А я, мол, веду себя как последний мудака. Извинившись, все равно показывал ему не чертежи, а фигу. Но он не надулся, а даже повеселел, и мы опять разбежались по позициям.

Числу к двадцать пятому всей оставшейся компанией отдыхали возле штаба 388-го полка. Колычев, сидя в доме, что-то втирал радистам, а мы просто валялись на траве, бездумно глядя в вечернее небо. И тут с этого неба на нас посыпались фрицы. Ну не прямо на голову, а чуть в стороне. Десантники, мать их. Сначала даже не врубился, что там происходит. Но через секунду дошло и поэтому заорал комендачам и артиллеристам, отдыхающим рядом:

– К ящикам этих сук не пускайте! К ящикам!

Фигурой я был уже достаточно известной, так сказать, примелькавшимся на всех участках обороны рационализатором и заводилой. Поэтому бойцы не стали пробовать подбивать

парашютных немцев влет, как уток, а ломанулись к месту приземления больших ящиков, даже не спрашивая, что в них. А в них было оружие и патроны для десантников. Уж не знаю почему, у немецких летчиков были обычные парашюты. Десантура же – пользовалась последним писком немецкого гения. Скорость спуска такая, что оружие они вынуждены были сбрасывать отдельно от тела, чтобы это тело при приземлении не поломать. У парашютистов при себе был только пистолет. Конечно, плюхнувшись рядом с контейнером, достать из него оружие – минута времени. Но этой минуты мы не дали. Драка вышла знатная! В процессе массового мордобоя часть немцев ухлопали, часть пленили. Многие сбежали в лес. Фрицы успели вскрыть только один ящик с оружием, но им это, конечно, не помогло. Вовремя я вспомнил про эти контейнеры. Как раз перед тем, как сюда попасть, передачу видел. Они на острове Крит так же лопухнулись. И целое подразделение англичане взяли тепленькими...

После того как мы дали звездюлей десанникам, бойцы подогнали недобитков к штабу. Там уже стояли наш полковник и командир полка Кутепов. Оглядев немцев и вычленив оберлейтенанта, его увели внутрь. Остальных загнали в сарай и выставили охрану. А тем же вечером было принято решение, что ввиду практически полного отсутствия боеприпасов надо прорываться к своим. Да уж. Это не фрицы под Сталинградом. Им там до последнего снаряжение сбрасывали. Нам же, за все это время патрона не скинули. Бойцы через два на третий с трофейным оружием рассекают. К своему – боеприпасов давно нет. Чем там наши думают? Стратеги, маму их со всех сторон! Ведь держимся крепко, силы на себя отвлекаем огромные, а вот никому не нужны оказались. И в ночь того же дня части 388-го и 394-го полков, а с ними остатки 172-й дивизии и 340-го арtpолка двинули в прорыв. Уже прорвав кольцо, наиболее опытных оставили рвануть свежезахваченный мост через Днепр. По быстрому обтяпав это дело, мы с Гусевым и саперами двинули догонять уходящие войска. А остатки ребят, тех, кого не успели собрать или кто не знал о прорыве, держали город еще два дня...

* * *

Когда вышли к своим, наступили дни ничегонеделанья. Нас расположили возле штаба армии, который стоял в здании школы. Отоспались, а потом Колычев вызвал меня к себе.

– Ну давай показывай, что ты там чертил все время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.